

MAGIC WORLDS

Самые темные века

Иван М

Олги Корнев Врочек Вереснев и другие

Юлиана Лебединская
Всеволод Алферов
Оксана Глазнева
Генри Лайон Олди
Дмитрий Владимирович Лазарев
Шимун Врочек
Павел Николаевич Корнев
Игорь Вереснев
Фатум. Самые темные века

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40481291
Фатум. Самые темные века:

Аннотация

После триумфального захвата сериальной сцены «Игрой престолов», классический канон темного фэнтези воспринимается исключительно как кровавый трэш с казнями, извращениями и поеданием сердец. Действительно, dark fantasy – это история с элементами готики и хоррора, действие которой происходит в традиционном фэнтези-сеттинге. Но на страницах самых известных произведений практически не встретишь демонов, оборотней и прочих зомби. Наиболее удачные образцы

получались, когда авторы нагоняли депрессию не обилием монстров и кровавыми подробностями, а общим нуаром и декадансом. Герои действуют в медленно угасающем мире, конец истории близок, неизбежен и, в общем, заслужен. Королевство на грани краха, народ вымирает, а войну, которую ведут персонажи, они обязательно проиграют. Как сказал один прекрасный автор (совсем про другую эпоху, правда): «Есть какая-то извращенная радость – назло Року погибнуть за безнадежно проигранное дело».

Мастера боевой фантастики и лучшие авторы литературного семинара «Аю-Даг» в сборнике настоящего темного фэнтези для новой серии «Снежного Кома М».

Содержание

Тьма в мире	5
Павел Корнев. Ничего святого	5
Максим Тихомиров. Лицо Королевы	35
Оксана Глазнева. Лукошко	73
Шимун Врочек. Предел человечности	97
Конец ознакомительного фрагмента.	133

**Генри Лайон Олди, Павел
Корнев, Шимун Врочек,
Дмитрий Лазарев, Юлиана
Лебединская, Игорь
Вереснев, Всеволод
Алферов, Оксана Глазнева
Фатум. Самые темные века**

Тьма в мире

Павел Корнев. Ничего святого

Небольшой городишко Луто прозябал вдали от торговых путей посреди голой, открытой всем ветрам степи. Куда ни глянь – лишь невысокая трава да желтые проплешины глинистой земли. Грязь.

Грязь¹ – а как иначе?

¹ Луто – от лат. luto – грязь.

Разбитая тележными колесами и размоченная осенними дождями дорога мерзко чавкала под ногами, липла на сапоги, дорожный посох и полы плаща. Подсыхая, отваливалась целыми пластами, но тут же налипала вновь.

Немудрено, что шаг мой был неровным, а дыхание – тяжелым.

Устал.

Выдернуть из липкой жижи ногу, переставить, после вы-свободить из грязи второй сапог и сделать очередной шаг. Чавк-чавк. И снова – чавк, уже посох.

Сколько их было, этих шагов? И сколько еще будет?

Но – повезло. Заслышав скрип колес и недовольное фырканье лошаденки, я откинул с головы капюшон плаща и ступил на обочину, освобождая дорогу телеге. Закутанный в ветхую рванину возница настороженно оглядел меня с головы до ног и нехотя пробурчал:

– Да пожрет Бестию пламя преисподней.

– Да пожрет, – кивнул я и спросил: – В Луто едешь?

– Ну?

– Подвезешь?

Возница скорчил гримасу, но отказывать путнику не стал.

– Залезай, – разрешил он.

Я уселся на застеленные сырой соломой доски и, свесив облепленные рыжей глиной ноги, покатыл дальше. Расшнуровал дорожную котомку, достал ломоть черного хлеба и кусок сыра, протянул вознице:

– Не откажись разделить трапезу.

Мужичок отказываться не стал. Жадно накинувшись на угощение, он сразу запихал еду в рот, быстро прожевал и принялся выбирать из плешивой бороденки хлебные крошки.

Я постучал вареным яйцом о доску и начал без спешки счищать растрескавшуюся скорлупу и вкидывать ее в дорожную грязь. После достал еще сыра и хлеба, и только-только перекусил, как из расползшегося по степи вечернего тумана показались стены Луто. Невысокие, скособоченные, рыжеватые, как и все вокруг.

– Подъезжаем? – уточнил я и запахнул отдернутую ветром полу плаща.

Мужичок вытаращил глаза на рукоять заткнутого за кушак ятагана и лишь беззвучно раззявил рот, полный гнилых обломков зубов.

– Это Луто? – повторил я вопрос.

Возница перевел взгляд на крепостные стены, обернулся обратно и молча кивнул. Вид у него был необычайно перепуганный.

«Ну и что с тобой делать теперь?» – задумчиво глянул я на сгорбившегося мужичка; тот будто спиной почувствовал взгляд и сгорбился. Точно – боится...

– Да хранит тебя твоя ненависть, – напутствовал я тогда возницу, спрыгнул в дорожную грязь и поплелся по радостно чавкавшей глинистой жиже вслед за нещадно погоняемой

лошаденкой.

Чавк-чавк. И снова – чавк, это посох.

Когда прошел в заметно покосившиеся ворота, сбитые из толстенных, замшелых снизу досок, меня никто не остановил. Просто некому было: не толпились поблизости ни стражники, ни сборщики податей. Только из распахнутой караульной будки доносился приглушенный гул голосов.

Миновал ее, и оттуда повеяло перегаром, вонюю невымытых тел и прокисшей стряпни.

Удивляться нечему, для подобного захоlustья такое вполне обычно.

Я спокойно отправился дальше и, надо сказать, очень скоро пожалел, что под ногами чавкает не размокшая глина, а городские запахи далеко не столь изысканны, как вонь из караульной будки.

Теперь под ногами хлюпала жуткая каша из грязи, помоев, объедков и прочих нечистот, состоявших по большей части из обыкновенного дерьма. Тут же копошились крысы, свиньи, собаки и полуголые дети. И даже не знаю, кто из этих обитателей трущоб был самым грязным, голодным и диким.

А вот взрослые на улицах не попадались вовсе. Тоже объяснимо: вечер только начинается, кто на хлеб насущный в поте лица зарабатывает, кто перед ночью отсыпается.

Немного поплутав по узеньким улочкам, больше напоми-
навшим сточные канавы – а на деле ими и являвшимся, – я вышел к храму, столь же обветшалому и запущенному, как и

остальной городишко. Мощное некогда строение перекошилось и заметно погрузилось в землю, купол пошел трещинами, а окна были завешаны обыкновенными циновками.

И вот уже на замощенной желтым кирпичом площади жизнь била ключом. Служка в слишком коротком для него одеянии колотил деревянной колотушкой по медному гонгу, созывая горожан на службу. Прихожане послушно плелись к храму, по пути осаживая нищих, что так и норовили сунуть им под нос покрытые язвами и гнойниками культы. Время от времени кто-нибудь из стражников в испещренных разномастными пятнами плащах охаживал дубинкой особо нагло попрошайку, но урок не шел впрок и вскоре все возвращалось на круги своя. Тем более что доблестных стражей порядка куда больше интересовали молоденькие девчонки из числа комедиантов, разбивших неподалеку свои шатры.

Я и сам с удовольствием поглазел бы на танцовщиц, но служба уже началась, пришлось идти в храм. Убранство его оказалось ничем не примечательным – голая кладка стен, серый свод потолка, ступенями понижающиеся ряды сидений. Заняты были лишь нижние скамьи, поэтому мне без особого труда удалось отыскать свободное место у прохода.

Опустив зад на холодный камень, я с облегчением вытянул гудящие ноги и прислушался к словам молодого проповедника, который пытался расшевелить свою скучающую паству, но без особого успеха.

– Когда явилась Бестия, преклонились перед ее яростью и

малые, и великие. Кто не преклонился, тех Она и Ее темное войско стерли с лица земли. Будто стая саранчи промчались силы зла по городам и селам, сжигая и уничтожая все на своем пути. Так бы и сгинул навеки род людской, но разгорелась в наших сердцах праведная ненависть! – Проповедник глубоко вздохнул и, почти срываясь на крик, продолжил: – Ненависть, вот что спасло нас всех! Бестия обладала невыразимым могуществом, люди для нее были простыми игрушками. А можно ли ненавидеть муравья, которого походя раздавил сапогом? Нет! Бестия просто играла и наслаждалась своими злодеяниями! Пусто было в душе Ее! Да и может ли быть душа у того, кто никогда не испытывал ненависти? – Человек за кафедрой помолчал, будто дожидаясь ответа от прихожан, и возопил: – Нет! Лишь ненависть отличает человека от животного, и лишь она зажигает души благодатным огнем! И Бестия сгорела в пламени людской ненависти и была низвергнута в преисподнюю вместе со всеми своими темными вассалами! И помните – лишь наша ненависть, лишь ненависть каждого из нас удерживает там чудовищ. Не растрачивайте ее на блуд и мирские страсти. Будьте сильны в своей ненависти! Лишь она наполняет нашу жизнь смыслом! **Odium aeternum!**²

И прихожане привычно отозвались, столь же привычно коверкая латинские слова:

– **Odium aeternum! Odium aeternum! Odium aeternum!**

² Вечная ненависть (лат.).

А потом все начали выходить со своих мест и по вышарканным ступеням спускаться к кафедре, на полу перед которой под слоем грязи угадывалось мозаичное изображение распятой на тележном колесе Бести. Проходя его – плевали.

Плюнул и я. Но не безразлично, как спешившие на представление комедиантов обыватели. Нет – я плюнул с ненавистью.

Odium aeternum!

После подошел к стоявшему у кафедры проповеднику, опустился на одно колено и поцеловал увесистый серебряный перстень.

– Да не угаснет огонь твоей ненависти, – напутствовал меня совсем молодой юноша, и на груди его в свете чадящих лампад блеснул медальон настоятеля с золочеными буквами главного постулата Церкви «*Odi ergo sum!*»³.

Ненавижу – значит, существую! – и никак иначе.

Склонив голову, я отступил от кафедры и направился на выход. Прихожане все как один повалили к шатрам комедиантов, зашагал вслед за всеми и я. Протолкался к огораживавшей сцену веревке и принялся следить за немудреным представлением.

Оно было уже в самом разгаре. Мужик в цветастой, но изрядно заношенной одежке и широкополой шляпе размеренно крутил ручку шарманки, и под эту однообразную мелодию на закрепленной меж двух столбов веревке раскачива-

³ Ненавижу – значит, существую (*лат.*).

лась закутанная в тогу девица. Края куцевого одеяния едва-едва прикрывали колени, и почтенные отцы семейств пялились на ее голые ноги с несказанно большим интересом, нежели внимали проповеди настоятеля. Еще и подбадривали арлекина, который длинной хворостиной задирает и без того бесстыдно короткое одеяние. Комедиант с выкрашенным белой краской лицом пытался помешать охальнику, но лишь нарывался на тумачи и зуботычины.

Пьяный смех, сальные шуточки, похотливые вздохи.

Захолустье, что с него взять.

Я хотел было отправиться по делам, но заметил обходящую зрителей со шляпой в руках черноволосую девчонку и полез за кошелем. Кинул ей пару сольдо, намеренно медленно начал разворачиваться и тотчас почувствовал, как кто-то ухватил за полу плаща.

– Ну? – обернулся обратно.

– Господин! – потянула меня к шатрам впечатленная щедрым пожертвованием девица. – Не покидайте нас так скоро!

Я для виду поколебался, после нырнул под веревку и под недовольный ропот зрителей поспешил вслед за девчонкой.

– Вы находите меня привлекательной, господин? – ожидаемо спросила та, когда мы укрылись от толпы за латаным-перелатаным шатром.

Ничего не ответив, я ухватил ее за подбородок и задрал безвкусно накрашенное лицо. Миленькая. Не более того.

Уловив мои сомнения, девица распахнула свое одеяние и

бесстыже выставила напоказ груди с торчащими бугорками сосков.

– Быть может, в другой раз, – с некоторой долей сожаления, отказался я. – Спешу.

– Подождите! – облизнула губы комедиантка. – Такого вам никто не делал! Вы не пожалеете! Наш пастор называет это per os⁴.

– Этот молодой ханжа? – хмыкнул я и вновь полез за кошелем.

– Нет, – рассмеялась блудница, опускаясь передо мной на колени, – настоятель уехал по делам, и последние дни службы ведет отчим Секундус. Этот индюк скорее оскопит себя, чем прикоснется к женщине!

– Он такой, да?

– Еще хуже!

– А настоятель?

– Настоятель ми-и-илый!

Я сунул девчонке серебряную монетку, сдвинул ножны с ятаганом набок и разрешил:

– Приступай.

Спрятав десять сольдо, комедиантка сноровисто справилась с завязками штанов, запустила внутрь руку и, обхватив тоненькими пальчиками то, что и должна была обхватить, приникла к моим чреслам и занялась делом.

Занялась, надо сказать, столь умело, что вскоре дела и за-

⁴ Неужели по контексту непонятно? Орально, да.

боты совершенно перестали беспокоить и стали чем-то далеким и несущественным. Понаблюдав какое-то время за покачивавшейся вперед-назад черноволосой макушкой, я положил руку на девичий затылок и начал контролировать ритм, тихонько командуя:

– *Altius! Altius! Altius!*⁵

Ох, так гораздо лучше...

Вскоре меня от пяток и до макушки передернула судорога, я оперся на посох и выдохнул:

– *Oh mea odium!*⁶

Шумно сглотнувшая девица какое-то время еще работала языком, потом отпрянула и, обтерев губы, поднялась на ноги.

– Господин остался доволен?

– Более чем, – подтягивая завязки штанов, признал я.

– Тогда приходите после представления, – заулыбалась девица. – Поверьте, вы не уйдете разочарованным. Моя сестричка обожает *per anum*⁷.

– Тоже настоятель научил?

– Нет, – хихикнула комедиантка, – акробаты.

– Это они сейчас выступают?

– Да, господин. Так вы придете?

– Приду. – Я посмотрел на мрачный, походивший скорее

⁵ Глубже (*лат.*).

⁶ О, моя ненависть! (*лат.*)

⁷ А сами как думаете? Много вариантов?

на оборонительное сооружение храм, рядом с которым цветастые шатры комедиантов казались совершенно неуместными, и спросил: – А нельзя было выбрать место...

– Подальше от храма? – спросила девчонка, проследив за моим взглядом. – Вот еще! Мы и в самом храме станцуем, если в цене сойдемся!

– Вот как? А что отчим Латерис на это скажет?

– Да уж ничего хорошего, это точно! Как-то хотела его за кафедрой ублажить, так он меня розгами отходил. Неделю потом сидеть не могла. – Черноволосая поежилась, но сразу оживилась. – А вам бы хотелось меня выпороть?

– Не уверен, – поморщился я и предупредил: – Вы бы скромнее, а то погонит вас отчим Секундус поганой метлой.

– Вот вернется отчим Латерис, тогда посмотрим, кто кого погонит!

– Посмотрим, – кивнул я и зашагал прочь от пошлых шуток зевак и фальшивых мелодий шарманки.

Меня ждала работа.

Тюрьма Луто оказалась под стать остальному городишке. Не тюрьма даже, а так – неказистая пристройка к магистрату с крышей, крытой не черепицей, а давным-давно сгнившей соломой. Двор загажен конскими яблоками, на виселицах болтались два распухших тела, готовые развалиться на куски от малейшего дуновения ветра.

Охраняли арестантов из рук вон плохо. Можно даже ска-

зять – не охраняли вовсе. Ни у ворот, ни на входе караульных не оказалось, и лишь у себя в камерке с аппетитом объедал куриную ногу заплывший жиром надзиратель. Его сменщик спал тут же, с головой завернувшись в грудку тряпья.

– Чего еще? – Тюремщик при моем появлении оторвался от трапезы и вытер пухлой ладонью заляпавший бороду жир. – Чего надо?

Морщась из-за кислой вони кошачьей мочи, я переступил через порог и выпростал из-под рубахи серебряный медальон. Подсвечивая себе масляной лампой, надзиратель подался вперед, и его свинячьи глазки округлялись все больше и больше по мере того, как пухлые губы шевелились, беззвучно проговаривая:

– *Officium Intolerantiae*⁸, – прошептал он, враз растерял всю свою невозмутимость и будто даже уменьшился в размерах. – Какая... какая нужда привела вас к нам, отчим?

– Ты знаешь какая.

– Я? – враз осип тюремщик, и по щеке у него покатилась крупная капля пота. – Откуда мне знать, отчим?

– Отчим Латерис. Проводи меня к нему.

– Что вы?! Отчим Латерис уехал из города! Его здесь нет!

– Знаешь ли ты, пасынок мой, что врать – грешно? А врать мне не только грешно, но и глупо. Осознаешь ли ты в полной мере то, что может случиться? Подумай об этом, прежде чем ответить.

⁸ Канцелярия Нетерпимости (*лат.*).

– Но откуда...

– Слухи, пасынок мой, это все слухи и сплетни. А теперь перестань тянуть время.

– Отчим Латерис, он... – задохнулся толстяк, пару раз беззвучно хватанул воздух распахнутым ртом и выдал: – ...он умер!

– В самом деле?

– Клянусь своей ненавистью!

– Нехорошо получилось, – хмыкнул я, вовсе не обрадованный тем, что пустяковое на первый взгляд поручение обрастает ненужными осложнениями.

Всего-то требовалось допросить обвиненного в осквернении собственного храма настоятеля да выбить дурь из коменданта городского гарнизона, тайком заключившего его в тюрьму по доносу второго проповедника, отчима Секундуса. Но теперь... если настоятель мертв, всем причастным к этому прискорбному происшествию придется понести наказание.

После общения с черноволосой блудницей – воистину нет никого болтливей шлюх! – я нисколько не сомневался в том, что отчим Латерис никогда не осквернял храм оргиями. А блуд вне стен храма хоть и позорил сан, но *Officium Ethicorum*⁹ при местном епископе, скорее всего, ограничилась бы лишь устным внушением.

Нехорошо. Очень нехорошо.

⁹ Канцелярия по этике (*лат.*).

– Проводи меня к телу, – приказал я.

– Я не могу! – вновь заблеял тюремщик.

– Можешь, пасынок мой. Уж поверь на слово. – Я перекинул посох из руки в руку. – И проводишь, даже если для этого придется убеждать тебя per anum.

Вряд ли надзиратель знал латынь, но репутация Канцелярии Нетерпимости и посох в моих руках лучше всяких слов подсказали ему, как может закончиться наша беседа.

– Как скажете, отчим, – тяжело вздохнул тюремщик, взял лампу и нехотя поплелся на выход.

Меня обдало вонью пота, чеснока и прокисшего пива, но я ничем не выказал отвращения и двинулся следом. По лестнице с осклизлыми ступенями мы спустились в подвал, и там густой запах испражнений и сырости легко перебил аромат провожатого.

– Подержите, отчим. – Тюремщик передал мне лампу и, сняв с пояса связку ключей, начал проверять, какой из них подойдет к замку камеры. После недолгой возни распахнул жалобно скрипнувшую дверь и указал в темное нутро камеры. – Смотрите сами, отчим. Он мертв.

Стоило только подступить к порогу, и вонь мочи, рвоты и гниющей плоти едва не сшибла с ног. Воняло просто жутко, и вместе с тем запаха мертвечины мой бедный нос не уловил. А значит, либо узник умер совсем недавно, либо толстяк нагло лжет и при этом почему-то не боится быть пойманным на вранье.

Встав на пороге, я поднял руку с лампой и сразу понял причину столь странной самоуверенности тюремщика. Открывшееся в неровном сиянии светильника зрелище могло надолго лишить аппетита даже мясника, а уж пройти в загаженный каменный мешок решился бы и вовсе один из сотни.

Отчим Латерис лежал на полу, и лишь окровавленная тряпка на чреслах прикрывала его наготу. Впрочем, человека в таком положении, вряд ли это могло задеть. Когда по оскальпированной макушке ползают мухи, не беспокоит отсутствие одежды.

Я поморщился от отвращения, но продолжил разглядывать жуткие увечья, стараясь ничего не упустить из виду. Ступни раздроблены и почернели, колени сломаны, бедра в гниющих язвах ожогов. С живота лоскутами содрана кожа, соски срезаны, предплечья перебиты в нескольких местах, вместо левой кисти чернеет прижатая факелом культя, а на правой не осталось ни одного пальца. Ноздри вырваны, уши отрезаны, один глаз выколот, другой заплыл и не открывается.

Вердикт: работа любителя. Ну и настоятель, разумеется, не жилец. И кому-то придется за это ответить.

– Ну почему так всегда? – с нескрываемым сожалением вздохнул я. – Почему люди берутся за работу, в которой ничего не смыслят, даже если это сулит им одни неприятности?

Арест настоятеля – это и сам по себе серьезный проступок, но комендант мог бы выкрутиться, переложив вину на

доносчика. А вот за пытки и убийство пасынка Церкви его ждет такое наказание, что самой Бестии в преисподней тошно станет.

И самое главное – зачем? Зачем кому-то понадобилось истязать проповедника? Кому такое в голову прийти могло?!

Но тут настоятель словно уловил присутствие людей, веко его дрогнуло, и в неровном свете лампы яростно сверкнул залепленный гноем глаз.

Глаз, полный ненависти.

– Oh mea odium! – присвистнул я.

– Что?! – аж подскочил тюремщик. – Не может этого быть!

– Может, пасынок мой. Может.

– Отчим, вы не должны допрашивать его без писаря! – всполошился толстяк. – Его слова должны быть записаны! Позвольте запереть дверь, а потом мы вернемся...

– Irrumabo vos!¹⁰ – вырвалось у меня, и еще прежде чем я развернулся, тюремщика будто ветром сдуло.

Умный подонок. Знает, когда уносить ноги.

Я прошел в загаженную камеру и опустился на корточки перед узником.

– Dum spiro, odi¹¹, – пробормотал, не спуская с него глаз.

Так – и никак иначе. Отчим Латерис находился при смерти, но, несмотря на это, ненависть его была сильна.

¹⁰ Настоятельная рекомендация отправиться в пешее эротическое путешествие.

¹¹ Пока дышу, ненавижу (*лат.*).

Настоятель расслышал знакомое высказывание и умоляюще протянул ко мне сочившуюся сукровицей культю. А потом раззявил черную дыру, некогда бывшую ртом, и прохрипел:

– Остановите! Остановите его!

– Успокойтесь, отчим, никто вас больше и пальцем не тронет, – пообещал я. – Сейчас вызову лекаря, он осмотрит вас...

– Нет! – сипло выдохнул узник, и в легких у него забулькало. – Не дайте ему осквернить храм!

– Что?

– Знаменосец Бестии! В хра... – Отчим Латерис закашлялся, изо рта его хлынула густая черная кровь, он уронил голову на грудь и затих.

Я прикоснулся к шее – пульса не было.

– Да не оставит ненависть душу твою, – пробормотал тогда посмертное напутствие и вскочил на ноги. Схватил оставленный к стене посох и опрометью бросился к лестнице.

Знаменосец Бестии! Потусторонняя тварь здесь, в храме заштатного городишки!

Но почему о ней знал лишь отчим Латерис и никто кроме него?

Ведь это такая ответственность! Такая честь!

Величайшие монастыри соперничали за право заточить в своих стенах темные сущности, которые не были отправлены в преисподнюю вслед за их безумной госпожой. Как одна

из реликвий *Odii Causam*¹² оказалась в храме Луто? Почему епископу ничего об этом не известно?

И хоть отчим Латерис мог просто бредить, проверить его слова требовалось незамедлительно. Одна лишь ненависть прихожан сковывает темную тварь, и если храм будет осквернен, страшно даже представить, сколько бед натворит слуга Бести!

Я выскочил из тюрьмы и только сбежал с крыльца, как в ворота ворвались трое солдат. Двое в кожаных панцирях с окованными железом дубинами, третий с коротким пехотным мечом и в кирасе, на которой светился свежей позолотой девиз «*Odium aut Mortis*»¹³.

Комендант городского гарнизона Марк Хаста, собственной персоной.

Обернувшись, я глянул на маячившую в тюремном оконце толстую морду надзирателя и за цепочку вытащил серебряный жетон служителя *Officium Intolerantiae*. Но без толку, комендант уже коротко бросил подчиненным:

– Взять самозванца!

И те кинулись в атаку!

– *Fatuus!*¹⁴ – выругался я и шагнул навстречу низкорослому солдату, бежавшему первым.

Тот даже сообразить ничего не успел. Просто со всего ма-

¹² Повод для ненависти (*лат.*).

¹³ Ненависть или смерть (*лат.*).

¹⁴ Идиот (*лат.*).

ху налетел лицом на вскинутый посох и навзничь рухнул на землю. Его приятелю свезло не больше: увесистая палка крутнулась в моих руках, и взлетевший от земли нижний конец угодил служивому между ног.

Бедолага взвыл – даже меня передернуло.

Проняло и коменданта; с кислой миной он убрал руку с рукояти меча и взъерошил волосы, изображая раскаянье.

– Не судите строго, отчим. Ошибся.

Я зашагал к воротам, поравнялся с ним и на ходу небрежно бросил:

– Прощаю тебя, пасынок мой.

Марк Хаста опустил взгляд и с облегчением перевел дух, но стоило оставить его за спиной, вмиг скрипнули ремни доспехов.

Oh mea odium! – и почему всегда одно и то же?

Резко крутнувшись, я перехватил руку с ножом и, стиснув мускулистое запястье, плавно скользнул коменданту за спину. До хруста вывернув предплечье, свободной пятерней вцепился Хасте в волосы и со всего маху ткнул его лицом в кирпичную кладку забора.

Раз, другой, третий. И еще, и снова – до тех пор, пока забрызганную кровью землю не усыпали обломки зубов.

После отпустил обмякшего коменданта, и тот без чувств повалился в грязь. С превеликим удовольствием перерезал бы засранцу глотку прямо здесь и сейчас, но не подобает верному пасынку Церкви растрачивать свою ненависть на лю-

дей.

И потому, лишь пару раз пнув Хасту носком сапога в незащищенный доспехами пах, я оставил его в покое, поднял с земли перепачканный грязью и навозом посох и побежал к храму.

На улицах – никого. Беспризорные дети, нищие и пьяницы с наступлением темноты куда-то запропастились, и даже свиньи с собаками больше не попадались на глаза.

Городок словно вымер.

Неужто чувствуют что-то?

Возможно, и так...

На храмовую площадь я вбежал со стороны шатров комедиантов. Прислушался, успокаивая дыхание, – тишина. Где все? Где?!

Мне стало не по себе. «Мы и в самом храме станцуем, если в цене сойдемся!» – вспомнились слова черноволосой девчонки.

Храни меня ненависть!

Я рванул к храму и навалился на массивные ворота, но те оказались заперты. Тогда обежал мрачное здание с задов и толкнулся в пристрой. Дверь едва слышно скрипнула, я переступил через порог и сразу расслышал размеренные хлопки и тяжелое, с присвистом дыхание.

Я тихонько прокрался по темному коридору, и вскоре уши уловили странную неправильность. Тяжко вздыхал один человек, а глухие отголоски ударов не походили ни на стук

спинки кровати о стену, ни на звонкие шлепки ягодиц.

Неужели... Я осторожно заглянул в освещенную тусклым светом лампы келью и с неприязнью уставился на занятого самоистязанием отчима Секундуса.

Молодой парень в одних лишь панталонах яростно нахлестывал себя треххвостой плеткой, на концах которой бугрились узлы, усеянные металлической щетиной. По спине проповедника текла кровь, но он только закусил губу и тихонько мычал в такт размашистым ударам.

Вот оно как! Мне всегда казалось неправильным укреплять ненависть умерщвлением плоти, пусть флагелланство и не считалось ересью. Страдать должны не пасынки Церкви, страдать должны враги рода человеческого, и никак иначе.

Решив, что увидел достаточно, я легонько постучал посохом о дверной косяк, и отчим Секундус от испуга выронил плеть.

– Что вы здесь делаете?! – вскрикнул он, заметил серебряный жетон служителя *Officium Intolerantiae* и сдавленно пискнул: – О, нет...

– О, да, – ухмыльнулся я и кинул плащ на колченогий стул. – Отчим Латерис мне все рассказал.

– *In nomine odium!*¹⁵ – всхлипнул пастор.

– И Марк Хаста тоже запирается не стал, – продолжил я. – Как думаете, отчим, что я здесь делаю?

– Нет! – бухнулся вдруг на колени Секундус. – Это была

¹⁵ Во имя ненависти (*лат.*).

не моя идея! Это все Хаста! Это он все придумал!

– Вот как?

– Умоляю! Это Марк узнал о визитах отчима Латериса к блудницам! Он сказал, что этого так оставить нельзя, что это плевков в душу всех прихожан! Но если донести епископу, то настоятеля просто снимут, а совратившие его фигляры не понесут никакого наказания и продолжат сбивать с пути истинного горожан. И мне нечего было на это возразить! Вы видели их представление? Гнусность! Abominatio!¹⁶

– Так это идея Хасты?

– Да! Я не мог не поддержать его! Он единственный в этом пропащем городе разделял мои убеждения! Единственный праведник во всем городе! – По лицу Секундуса потекли слезы. – В остальном нет моей вины! Это Марк дал ключи и деньги комедиантам, чтобы они пробрались в храм и устроили здесь оргию. Он приведет... должен был привести солдат и тогда грешники понесли бы заслуженное наказание!

– И они сейчас?..

– Там, я слышал их голоса.

Болван! – едва не выругался я вслух. Одни только беды от этого флагеллантства! Мало того что сами женщин и вина чураются, так еще и других по себе судят. Что плохого в том, что отчим Латерис развлекался с веселыми девицами? Не с мальчиками же! Да и не силой их брал! Не в храме блудил, не на кафедре сношал! А этот ревнитель чистоты ради своих

¹⁶ Мерзость (*лат.*).

убеждений готов убить и даже, хуже того, – готов поставить под удар Церковь!

Fatuus!

Но ругаться я не стал. Вместо этого попросил:

– Встаньте.

А когда проповедник поднялся с колен, со всей силы двинул ему в подбородок.

Отчим Секундус без чувств рухнул на пол, я перевернул его на живот и, связав запястья прочным шнуром, поспешил в храм. Заглянул в распахнутую дверь и хоть никого не заметил, но комедианты точно не успели убраться отсюда подобру-поздорову, поскольку от погруженной в темноту кафедры по пустому помещению гулко разлеталась размеренная мелодия шарманки.

Я настороженно двинулся по проходу, краем глаза разглядывая серую кладку стен, изукрашенную теперь похабными рисунками, смазанными и торопливыми. Вскоре к завыванию шарманки присоединились сладострастные стоны черноволосой распутницы, а ее нагая сестричка неожиданно выпорхнула откуда-то из тьмы и закружилась в танце на мозаичном изображении распятой на тележном колесе Бестии.

И акробаты – как же без них? Парни сноровисто работали малярными кистями, превращая храм в подобие третьесортного борделя.

– Oh mea odium! – прошептал я, но только шагнул к осквернителям, как моего носа коснулась странная вонь.

Странная? Да нет – то повеяло серой!

И немедленно всплыли в памяти слова отчима Латериса о заточенном здесь знаменосце Бестии. Если эта тварь освободилась...

Меня враз прошиб холодный пот, а мелодия шарманки вдруг набрала силу и зазвучала в моей голове. От нее веяло беспредельной радостью дикой охоты, ароматом луговых трав после теплого дождя, хрустом, с которым входит в живую плоть острый наконечник... Как легко оттого, что тело это – не твое.

Музыка заполонила сознание, и нечто внутри откликнулось на нее. Ребра превратились в гигантский ксилофон, полые кости стали флейтами, зубы и костяшки пальцев отозвались стуком кастаньет, а поджилки звенели ничуть не хуже туго натянутых струн. Каждый выдох сдавливал легкие словно волынку, каждое биение сердца отдавалось в черепе, будто перестук палочек на старом солдатском барабане.

Мелодия рвалась наружу и рвала на куски меня, но боли не было, боль ушла, превратилась в упоительную смесь запаха любимой женщины, шума прибора, горечи хмеля и чего-то неосязаемого; того, что заставляет трепетать фибры человеческой души.

Счастье. Это было чистое, ничем не замутненное счастье. Фу, гадость! Меня чуть не вырвало.

Счастье – дело сугубо личное. Когда кто-то трепанирует тебе череп и вкладывает в голову столь сильные эмоции, это

уже не счастье – это рабство.

Счастье и любовь – кандалы, лишь ненависть делает нас по-настоящему свободными.

– *Noverca nostri – odium da nobis libertatem...* – забормотал я слова молитвы, – *et defende nobis a creaturis inferni*¹⁷...

И сразу в голове прояснилось, с глаз будто спала пелена, а соблазнительные стенания юной блудницы превратились в пронзительные вопли ужаса. И на стенах блестела не краска, но потеки крови и ошметки плоти, ведь орудовали акробаты не малярными кистями; нет, – они запускали руки в распоротые животы и оскверняли серую строгость каменной кладки собственными потрохами.

Я откинул посох и обнажил ятаган. Выкованный на заказ двойного изгиба клинок сужался к острию, им можно было как рубить, так и колоть. Знакомая тяжесть оружия придала уверенности, и я по вышарканным ступеням начал спускаться к кружившейся на мозаичном изображении Бести комедиантке, туда, где заходила в истошных криках ее сестра.

Не успел. Только ступил на мозаику и стоны стихли, а из-за кафедры вышел... вышло...

У меня ноги к полу приросли, стоило разглядеть ужасающее обличье знаменосца Бести.

На низком лбу двумя уродливыми наростами торчали загнутые рожки, под тяжелыми надбровными дугами пламенем преисподней горели глаза. Морда заросла длинной се-

¹⁷ Мачеха наша ненависть, дай нам свободу и защиты от порождений ада (*лат.*).

дой щетиной, ноздри приплюснутого носа торчали наружу, а окруженную бородой прорезь лягушачьего рта заполняли острые зубы. Лишенная растительности грудная клетка казалась несуразно мощной, густая шерсть покрывала кривые ноги с вывернутыми назад коленями. Между ног свешивался отросток, больше походивший на набухшую конечность морского гада, именуемого учеными людьми *Sepia officinalis*¹⁸. Внизу – копыта.

Продолжая твердить про себя молитву, я перевел взгляд на зажатую в мускулистой руке многоствольчатую флейту, но не *Fistula Panis*¹⁹, а жуткий инструмент, сотворенный из обломков перевитых сухожилиями трубчатых костей, с нижних концов которых капала кровь.

На левую кисть знаменосец намотал черные волосы молоденькой комедиантки; он волочил ее за собой, и милая девчонка превратилась в комок изуродованной плоти. Тело словно пропустили через камнедробилку, на чудом уцелевшем лице окровавленной дырой выделялся разорванный рот.

Oh mea odium!

Я запнулся, и этой небольшой заминки оказалось достаточно, чтобы знаменосец стремительно подступил к мозаике на полу и, не решаясь зайти на нее, разинул зубастую пасть. Оглушительный рык гулко прокатился по храму, и акробаты

¹⁸ Каракатица обыкновенная (лат.).

¹⁹ Флейта Пана (лат.).

вмиг бросили осквернять стены, а обнаженная танцовщица, соблазнительно виляя бедрами, зашагала к поработившему ее сознание чудовищу.

Медлить было нельзя. Если знаменосец выпьет еще одну жизнь, в одиночку его уже не остановить!

Я нагнал танцовщицу и вонзил острое ятагана ей в спину, аккуратно под нижнее ребро. Клинок легко пронзил комедиантку и окровавленной сталью вышел у нее из живота. Девушка рухнула на колени и потянула за собой ятаган, тогда я упер подошву сапога в девичье плечо и рывком высвободил клинок. Танцовщица без чувств растянулась на залитой кровью мозаике.

Не теряя времени, я развернулся и рубанул ятаганом по запястью тянувшегося ко мне акробата. Легко перерубил сухожилия и кости и новым замахом обрушил ятаган на голову второго комедианта. Изогнутый клинок рассек череп, раздробил переносицу и засел над верхней губой.

А крови – чуть. С трудом высвободив оружие, я едва успел отскочить от однорукого теперь акробата, зашедшего сбоку. Быстро рубанул и остро заточенная сталь с хрустом перебила сустав, предплечье повисло, а одержимый даже не поморщился. Подавшись вперед, он попытался сбить меня с ног, но волочившиеся по полу кишки за что-то зацепились, и мощным боковым ударом я снес его курчавую башку, так что та повисла на ошметках мышц и лоскутах кожи.

Только отвлекся смахнуть брызнувшую в лицо кровь, и

сразу в кушак вцепились чужие пальцы. Дотянувшийся до меня комедиант с раскроенным черепом потянулся к шее, я рукоятью ятагана шибанул его по изуродованному лицу, и хоть левый глаз лопнул и бесцветной жижой заструился по скуле, отшвырнуть парня не получилось. Пришлось выхватить стилет и вонзить острие в правую глазницу, полностью ослепив акробата.

После я высвободился из мертвой – воистину мертвой! – хватки и кинулся вдогонку за танцовщицей, что, оставляя на мозаике кровавый след, упрямо ползла к знаменосцу Бести.

Порождение тьмы бесновалось у края мозаики, не в силах ступить на изображение распятой госпожи, а когда я настиг девчонку, изо всех сил швырнуло в меня свою ужасную флейту. Острые сколы костей распороли рубаху и кожу, но поздно – ятаган уже рухнул вниз и с деревянным стуком врубился в девичью шею.

– *Ad gloriam odium!*²⁰ – заорал я, когда на мозаику хлынул поток крови и знаменосец Бести взвыл так, словно его паром ошпарило.

Но не паром – ненавистью!

Кожа чудовища покраснела и покрылась волдырями, полыхавшее в глазах пламя преисподней потухло, и на какой-то миг показалось, будто на меня смотрят водянистые глаза Марка Хасты.

Или так оно и было?

²⁰ Во славу ненависти (*лат.*).

Неважно – кровь всюю клокотала на мозаике, а ятаган раскалился докрасна, и я бросился в атаку. Знаменосец Бес-тии хоть и был выше, мощнее и сильнее, но развернулся и козлиными прыжками помчался наутек.

Я – вдогонку. Не осталось ни страха, ни сомнений. Созна-ние заполонила одна лишь ненависть. Ненависть, которая де-лает нас истинно свободными и вдыхает жизнь в куски мяса, именуемые человеческими телами.

Ненавижу – значит, существую!

Ненавижу!

Первый удар объятого пламенем ятагана пришелся про-меж лопаток. Брызнула нестерпимо вонявшая серой черная кровь, знаменосец жалобно взвыл, а следующим замахом мне удалось изловчиться и перебить ему колено. Темное со-здание с грохотом врезалось в кафедру, разнесло ее в щепы и покатилося по полу.

Я в один миг оказался рядом и с размаху рубанул клинком по запрокинутой гортани. Лезвие, с хрустом перебив хрящи, застряло в мускулистой шее, и огонь с ятагана перекинулся на бороду. Знаменосец судорожно засучил ногами и ударом копыта отбросил меня в сторону. Боль обожгла бедро, ост-рые грани смальты разодрали рубаху и оцарапали кожу, но ненависть моя была сильна, и я легко вскочил с мозаики и вновь бросился в атаку.

– *Odium aeternum!* – орал и кромсал шею твари уже по-тухшим, но от этого не ставшим менее острым клинком.

А потом сталь прошла через кости и плоть и со звоном угодила в каменный пол.

Дзанг! – удар болью отозвался в руку, клинок лопнул и разлетелся на куски.

Но это было уже неважно – отрубленная рогатая голова чудовища валялась в шаге от истекавшего вонючей жижей тела.

Теперь не встанет, теперь не оживет. Какое-то время – точно.

Закашлявшись, я повалился на ближайшую скамью и зажал отбитый и исцарапанный бок. Ненависть схлынула, навалились усталость и боль.

Ничего, жить буду. Я – буду, а кто-то нет.

Я с сожалением поглядел на изувеченные тела девчонок, с которыми мы могли бы недурственно провести сегодняшний вечер. Вот тебе и per anum, вот тебе и per os.

Да уж, все беды рода людского от гордыни, алчности и глупости.

Вспомнился отчим Секундус, который поставил свои убеждения выше уложений Церкви и едва не выпустил в мир знаменосца Бестии, захотелось найти его и удавить. Но не стал, нет.

Не стоит растрчивать ненависть по пустякам. Еще пригодится.

И я толкнул ногой рогатую голову знаменосца, злобно пялившуюся на меня своими мертвыми глазами...

Максим Тихомиров. Лицо Королевы

– Посмотри мне в глаза, – услышал Темный Властелин Хегертон на рассвете.

Дремлющий после ночи безумной страсти гигант попытался приподняться на локте, но не преуспел. Демоноиды и дьяволиада, чертыхнувшись Темный Властелин и рванулся сильнее – до хруста в запястьях и лодыжках, они не спешили покидать те места, к которым их приковал неведомый паралич.

Приподняв голову, Темный Властелин Хегертон обнаружил себя распятым поперек обширного ложа, растерзанного недавней битвой двух титанических темпераментов. Его мускулистые руки и ноги были привязаны к столбикам кровати, был он совершенно гол, а низ его живота скрывался в сладком жарком полумраке меж роскошных бедер оседлавшей его Королевы. Темный Властелин Хегертон чувствовал, что там, в восхитительной влажной жаре августейшего лона, он крепок, стоек и востребован.

Королева разглядывала его сквозь глазные щели чужого лица. Чужая кожа, прихваченная к ее собственной крошечными швами, отличалась более светлым оттенком. Маска, скрывающая королевский лик, жила своей жизнью, гримасничая совершенно без всякой связи с эмоциями Королевы, ее речью и действиями.

Время от времени маски менялись. Темный Властелин Хегертон за месяцы любовной связи со своей повелительницей привык к тому, что, просыпаясь утром в одной постели с возлюбленной, не всегда обнаруживал у нее то же лицо, с которым она засыпала вечером накануне. Он принял это как должное – так, как принимали причуды своей Королевы все Проклятые Властелины Севера. Все живущие вечно были по-своему странны – прежде всего тем, что жили, не живя, тем, что обманули смерть, не сумев обмануть еще и жизнь. Что же удивительного в том, что их повелительница – та, что подарила им бессмертие в обмен на их человеческие души, проведя над каждым из своих подданных обряд Обращения, – самая странная среди них?

Сейчас маску из чужой кожи искажала гримаса крайнего ужаса, в то время как взгляд Королевы был исполнен спокойствия и ленивого любопытства. И еще где-то в самой глубине этих глаз притаился голод – тот голод, что терзает сильнее всего на свете, который приходится чувствовать каждое мгновение своего существования на земле, тот, без которого уже не можешь обходиться спустя некоторое время.

Темный Властелин Хегертон знал этот голод. Он сам постоянно испытывал его. Было знакомо ему и выражение глаз Королевы.

Так паучиха рассматривает попавшее в ее тенета насекомое прежде, чем пожрать его.

Темному Властелину Хегертону на мгновение стало не по

себе. Впрочем, он тут же позволил себе расслабиться и вкушать новую порцию удовольствия, которым Королева одарила своего фаворита вот уже который месяц их на удивление долгого – по меркам двора – романа.

– Да, моя госпожа? – сказал Темный Властелин Хегертон.

Владычица склонилась к нему, коснувшись широкой груди Темного Властелина острыми сосками. Хегертон вдохнул терпкий мускусный аромат, исходивший от ее разгоряченного тела.

– Мне нужно лицо, – шепнула Королева ему в самое ухо. – Мое собственное лицо. И это не обсуждается.

Темный Властелин Хегертон опешил. Опешил настолько, что мощный стебель его страсти мигом увял, что случилось с Темным Властелином впервые за его очень, очень долгую жизнь – и бесконечные годы не-жизни после Обращения.

Королева еще пару раз качнула бедрами, прислушиваясь к ощущениям, а потом довольно рассмеялась и ускользнула из постели, оставив Темного Властелина Хегертонна наедине с путами, растерянностью, тягостными раздумьями и новоприобретенным чувством вины. Путы подались первыми.

За стеной вздохнул, просыпаясь, котел водогрея и зашумел душ.

В душе Королева пела.

Темный Властелин Хегертон, втискивая свое мощное тело в положенный по рангу зверского вида доспех, сокрушенно покачал головой.

Слуха у Владычицы не было и в помине.

* * *

Проходя через смежные со спальней Королевы покои ее августейшего супруга, Темный Властелин Хегертон небрежно кивнул Королю. Из своего прозрачного чана, полного бурления алхимических декоктов, которые поддерживали иллюзию жизни в его хлипком теле, Король ответил ему вялым взмахом истончившейся до полупрозрачности монаршей длани.

Взгляд Государя был тускл и равнодушен, но Темный Властелин Хегертон еще помнил дни, когда глаза эти, ныне блеклые и безразличные, метали молнии и смотрели на весь мир, как на огромный приз, доставшийся их хозяину по праву сильного. Но времена изменились; отказавшись в расцвете сил и лет принять Обращение вместе со своей супругой и будучи упорен в своих убеждениях и по сей день, монарх вынужден был ныне влачить жалкое существование. Заключенный в прозрачную клетку, полную коктейля из колдовских зелий и собственных предрассудков, в основе которой лежала гордыня, Король проживал день за днем, год за годом, столетие за столетием, хотя срок его пребывания на этой земле истек давным-давно.

Говорили, что жизнь в его теле может теплиться вечно.

Темный Властелин Хегертон содрогнулся при одной толь-

ко мысли об этом.

Кто из них более жив?

Монарх, бездну лет назад отказавшийся от вечной нежизни в силу своей веры, своей чести, своих убеждений, и теперь целиком и полностью зависящий от текущих по бесчисленным трубкам в его тело растворов, благодаря которым только и не гаснет еще в убогом остове его тела искра жизни, плавающий, подобно холодной рыбе, в огромном аквариуме и, подобно рыбе, дышащий водой? Или он, Темный Властелин Хегертон, навсегда застывший в своих тридцати годах, словно насекомое в капле смолы, обманувший время, способный жить вечно, даже будучи живым мертвецом, способный радоваться жизни, чувствовать и любить?

Кто из них более человек?

– Как поживает моя возлюбленная жена, Хегертон? – пробулькал Король.

– Бодра и неутомима, ваше величество, – ответил Темный Властелин Хегертон. – Как и всегда за последние пять столетий. Хотя сам я могу поручиться только за последний год.

– Рад слышать. – Король пустил пузыри. – Но не стоит расслабляться – когда-нибудь это пройдет. Так случается всегда. Когда она заскучает, ты сделаешься ей не нужен. Ты никогда не задумывался о судьбе ее прошлых фаворитов? Тех, которые не смогли исполнить очередной ее каприз? Поинтересуйся. Подскажу – прогуляйся по дворцовым подземельям. Старый Гримо проводит тебя. Узнаешь цену монаршьей ску-

ки.

– Надеюсь, это произойдет еще очень не скоро. – Темный Властелин Хегертон посмотрел монарху в глаза. – Ее фантазия неистощима, а энергия бьет через край. Уж поверьте, ваше величество.

Темный Властелин Хегертон позволил себе похабно ухмыльнуться. Король остался невозмутим.

– Боюсь, это уже произошло. – Бескровные губы Государя растянула болезненная улыбка. – Лицо, да? Ну-ну. Я думаю, пришло время тебе отправиться в далекое путешествие – и пропасть лет этак на сто. Поручение, данное тебе моей возлюбленной супругой – и которое ты, разумеется, примешь, ибо не можешь не принять, чтобы не оказаться на ближайший эон в банках органов в расчлененном виде, – равносильно для тебя добровольному изгнанию. Она не злопамятна, Хегертон. Просто ничего не забывает. Возвращайся через столетие-другое, и желательно в подвигах и славе. Быть может, тогда она простит тебя и даже – кто знает женщин? – снова одарит своей благосклонностью. Я буду ждать тебя здесь. Всегда. Или я – не Вечный Король?

Хегертон в раздумье качнулся с пятки на носок, потом, лязгнув шпорами, коротко кивнул Государю и решительно устремился прочь из королевских покоев.

Король улыбнулся ему вслед и выпустил изо рта цепочку радужных пузырьков.

За завтраком, подаваемым в общей трапезной королевского дворца, что находится в городе Вэл, столице Империи Северного континента, Темный Властелин Хегертон был угрюм и задумчив. Присущая ему угрюмость никого удивить не могла – настоящему Темному Властелину просто-напросто положено быть – или уж по крайней мере выглядеть – угрюмым и нелюдимым. Но вот задумчивым...

Темные Властелины по природе своей были ребятами незамысловатыми, без претензий. Они радовались простому – золоту и женским прелестям, и расстраивались от лжи и обмана, предательства и нечестности... Задумчивость не была их коньком, и этим утром Темный Властелин Хегертон весьма выделялся из толпы прочих Проклятых.

Неведомо каким образом новости о том, что Темный Властелин Хегертон получил от Королевы некое поручение, которое превращает его из значимой фигуры в жизни двора и Империи в изгоя, уже были известны всем. Однако, памятуя, что и раненый псевдолев остается псевдольвом, а соседство с ним может пагубно сказаться на дальнейшей судьбе тех, кто неосторожно продолжает общаться с ним, придворные предпочли этим утром не нарушать уединения опального фаворита.

Поэтому за длинным столом, накрытым на дюжину пер-

сон, Темный Властелин Хегертон сидел в одиночестве.

Яства, которыми была уставлена столешница, так и остались нетронутыми. Темный Властелин Хегертон этим утром явно утратил аппетит.

Обратить на себя его интерес не удалось ни яйцам меч-птицы под острым соусом тарратьез, ни седлу океанского конька, запеченного в собственном панцире и спрыснутого устричным соком, ни глазам дракона, фаршированным чешуей молоха-спиногога. Служители трапезной подавали блюдо за блюдом – и уносили предыдущие нетронутыми, сокрушенно покачивая головой.

Наблюдая украдкой за этим сквозь приоткрытую дверь на кухню, королевский повар, явственно ощущая, как сгущаются тучи над его головой, все больше бледнел и оттягивал ставший вдруг тесным ворот своих белых одежд. Когда Темный Властелин не удостоил вниманием даже нежный десерт из лепестков хищноцветов во взбитом спинномозговом секрете воздушного кита, кухонные работники спасли повара от попытки убить себя неразделанной рыбой-ножовкой. Беднягу напоили отваром сон-травы и уложили спать в смиренной рубашке.

В конце концов даже подавальщики блюд стали держаться подальше от стола, за которым грустил Темный Властелин Хегертон. Унесли последнюю перемену блюд, на что Темный Властелин не обратил ровным счетом никакого внимания. Он по-прежнему сидел без слов и движений, пронзая про-

странство мрачным остановившимся взглядом. Лишь полуведерный серебряный кубок, зажатый в мощной лапище Темного Властелина, то и дело пустел, и виночерпии едва успевали его наполнять. По мере того, как запас лучшего вина из королевских погребов постепенно переключивался в бездонное нутро Темного Властелина Хегертона, тот мрачнел все больше.

И тут Темный Властелин Хегертон заметил, что за своим столом он уже не один.

Проклятый, устроившийся напротив него и терпеливо ожидающий, когда Темный Властелин Хегертон соизволит обратить на него внимание, был уродлив даже по меркам Бессмертных.

За века своей бесконечной жизни Темные Властелины превращались в ходячие коллекции всевозможных шрамов и увечий. Разудалый образ жизни, который вело большинство Проклятых в извечной борьбе со вселенской скукой – обратной стороной дарованного Королевой бессмертия, способствовал тому, чтобы эти коллекции боли и страдания пополнялись. Неспособные умереть, обладающие безграничной способностью к регенерации, Темные Властелины неизменно выходили победителями из схватки со смертью во всех ее проявлениях. Поговаривали, что прекратить существование Проклятого на этом свете можно, лишь испепелив его и развеяв пепел, но так ли было на самом деле – никто не знал. Кое-кто верил, что рано или поздно элементы, состав-

лявшие некогда тело Темного Властелина, вновь соберутся в одном месте благодаря ветрам, воде и чистому везению, которым не были обделены Проклятые Севера, – и воскресший Властелин наконец отомстит своим обидчикам. Пусть даже для этого потребуется не одна тысяча лет – живущим вечно некуда спешить, и лелеемая месть как раз остынет до нужного градуса.

Множественно перебитые кости рук и ног Проклятого, который сейчас сидел напротив Темного Властелина Хегертона, срослись под странными углами. Череп был деформирован настолько, что глаза, буравящие Хегертона мрачным взглядом, располагались на одной стороне лица, словно у камбалы. Нос напоминал клюв кракена, а рот был трещиной на морщинистом лице Темного Властелина. Трещина вдруг сделалась шире, и за бескровными ниточками губ тускло блеснули черной эмалью по меньшей мере полсотни остро заточенных зубов.

Проклятый улыбнулся.

– Знаешь меня? – спросил он, с усилием проталкивая воздух сквозь раздробленную гортань.

– Не имею чести, – ответил Темный Властелин Хегертон и одним глотком осушил свой кубок. – А должен?

Щелкнув в воздухе пальцами, он без слов указал виночерпию на своего собеседника, и кубок раздвоился, словно по волшебству – настолько быстро появился на столе его близнец, до краев наполненный кроваво-красным вином.

Отсалютовав друг другу, Темные Властелины осушили кубки в несколько богатырских глотков. Темный Властелин Хегертон крикнул и утер губы. Его собеседник удовлетворенно кивнул.

– Меня зовут Гримо, – проскрежетал он. – Должно быть, ты слышал обо мне?

– Государь упоминал тебя этим утром, – ответил Темный Властелин Хегертон. – Но я никогда не слышал о тебе прежде.

– Имя мое приносит несчастье тем, кто его слышит, – сказал тот, кто представился как Гримо, и не было похоже, что он шутит.

Хрустя суставами, он поднялся из-за стола, и стало видно, что некогда – прежде, чем бесчисленные годы его долгой жизни не легли тяжким грузом на его широкие плечи – это был человек поистине богатырского сложения, рядом с которым даже рослый Темный Властелин Хегертон казался худосочным подростком.

– Идем же, – сказал Темный Властелин Гримо. – Я покажу тебе ад.

* * *

Прежде Темному Властелину Хегертону никогда не доводилось посещать подземные ярусы королевского дворца, что в столичном городе Вэл. Огромный лабиринт полутемных коридоров разбегался в разные стороны от вырубленной в

скальном основании дворца винтовой лестницы, служившей единственной связью подземелий с поверхностью.

Следуя по уходящему под уклон коридору за Темным Властелином Гримо, Темный Властелин Хегертон смотрел по сторонам, и было ему и страшно, и любопытно.

Коптящие факелы и горящие ровным колдовским светом алхимические фонари то и дело выхватывали из мрака ржавое железо решеток, отделявших от коридора камеры самого разного размера. Узники, томящиеся в сырости подземелий, провожали Темных Властелинов полными ненависти взглядами. Тени за решетками не могли полностью скрыть разворачивающуюся перед взором Темного Властелина картину нечеловеческих боли и страдания.

Кого только не было здесь!

Круторогие полутуры из горных лесов Северного Тэля, особым образом расщепленные копыта которых позволили им тысячелетия назад познать орудия и огонь, заставив вспыхнуть огонь разума в глубине их воловьих глаз.

Сочащиеся зловонной слизью увальни-брюхоруки из болот Южного Миалора, чье бессмысленное хрюканье на деле оказалось философским диспутом существ, не нуждающихся в жизни ни в чем, кроме сырости и тепла.

Стремительные грацикони прерий Западного Алкихида с гроздьями тонких рук на изогнутых дугой торсах, густыми гривами и вечно удивленным выражением почти человеческих лиц на лобастых головах.

Путающиеся на суше в многочисленных щупальцах, утра- тившие легкость и изящество в непривычной для них сти- хии дагоноиды, населявшие подводные города прибрежного мелководья Южного моря...

Темный Властелин Хегертон не всегда мог даже опреде- лить пол, происхождение и расу существ, запертых в сы- ром нутре дворцового подбрюшья. Сонм искаженных су- ществ, одно чуднее и страшнее другого, смотрел сквозь ре- шетку с ненавистью и надеждой – на освобождение, на лег- кую смерть, на избавление от боли.

Одну из камер занимали крылатые обитатели Орлиных гор, полулюди-полуптицы, гордое племя которых не поже- лало покориться Королеве, предпочтя погибнуть едва ли не полностью в последней сотрясшей Северный континент вой- не бессмертных с живыми.

– Я считал, что их нет больше на всем Северном конти- ненте, – подумал вслух Темный Властелин Хегертон.

– Королева проводит над ними опыты в надежде на то, что этих никчемных летунов тоже можно будет Обратить, – по- яснил Темный Властелин Гримо. – Если ее дело увенчается успехом – кто знает, какую удивительную службу смогут со- служить нам эти крылатые нелюди?

– Королева мудра и прозорлива, – откликнулся Темный Властелин Хегертон. Несмотря на убийственное поручение, которым возлюбленная наградила его за тяжкие труды на благо Империи, Темный Властелин Хегертон по-прежнему

любил свою Королеву.

Да и могло ли быть иначе?

Каждый из Проклятых Властелинов Севера после Обращения носил в самом сердце сгусток тьмы, который посредством сверхсложного алхимического ритуала вложила туда Королева после того, как ею была изъята душа Обращенного. Сгусток этот хранил в себе отпечаток темной души самой Королевы; с его помощью Королева управляла мыслями и поступками каждого из своих вечных вассалов тогда, когда только этого хотела.

Может ли рука или нога ненавидеть голову, которая отдаст им приказы и распоряжения? Нет. Так и Темный Властелин Хегертон ни на мгновение не сомневался в справедливости принятого бессмертной Владычицы решения.

Все просто.

Она была его Королевой, и он был верен ей.

Иначе и быть не могло.

Темный Властелин Хегертон все шел и шел за своим провожатым сквозь грязь тесных застенков и ненависть их узников, льющуюся на него осязаемыми волнами; сквозь стерильную чистоту алхимических лабораторий, в которых раздосадованные чудодеи на мгновение отрывались от своих странных занятий, чтобы проводить Темных Властелинов недоуменными взглядами подслеповатых глаз за толстым стеклом защитных очков, а потом возвращались к работе; сквозь запыленные помещения хранилищ и кладовых, скры-

вающих великие тайны прошлого и настоящего во тьме своих стеллажей.

Когда Темный Властелин Гримо внезапно остановился, Темный Властелин Хегертон налетел на него и сильно ушиб лицо о его спину. Гримо даже не шелохнулся от толчка, и Темному Властелину Хегертону показалось, что он столкнулся со скалой.

– Здесь, – сказал Гримо.

Перед Темными Властелинами открылось просторное помещение за привычной уже ржавой решеткой. Лязгнув связкой ключей, Гримо отпер замок и шагнул внутрь. Темный Властелин Хегертон последовал за ним.

На них набросились почти сразу после того, как Темные Властелины переступили порог.

* * *

Темный Властелин Хегертон почувствовал, как что-то упало ему на загривок, и тут же глаза его оказались плотно закрыты чьими-то ладонями. Еще пара ладоней зажала его уши, и Темный Властелин Хегертон ослеп и оглох. Его схватили за щиколотки и попытались опрокинуть навзничь толчком в грудь. Но Темный Властелин Хегертон недаром заслужил славу одного из лучших бойцов Империи Севера.

Используя шпоры как оружие, он молниеносно освободил ноги, пинками разбросав нападавших. Ударив спиной об ре-

шетку, оглушил сидящего у него на плечах врага и с удовлетворением ощутил мягкий удар о каменный пол. Вернулись зрение и слух, и Темный Властелин Хегертон рванул из ножен фламберг, разрубив крест-накрест... пустоту.

Врагов не наблюдалось. Быстрый топоток в тенях стремительно удалялся. Рядом как ни в чем не бывало стоял, оправляя одежды, Темный Властелин Гримо, и лицо его было совершенно безмятежным.

Видя недоумение Темного Властелина Хегертон, его провожатый сипло расхохотался.

– Под ногами, – непонятно сказал он.

Темный Властелин Хегертон перевел взгляд на плиты каменного пола.

Там лежала голова.

Лицо, обезображенное бесчисленными рубцами, показалось Темному Властелину Хегертону странно знакомым. Перебитый в двух местах нос, волевой подбородок, разрубленный давным-давно сабельным ударом, мощные надбровья, тяжелые веки, прикрывающие закаченные бельма глаз... Конечно же! Темный Властелин Каллегрен собственной, пусть и весьма усеченной, персоной! Но ведь о нем не было ни весточки вот уже пару десятилетий...

Темный Властелин Хегертон растерялся. Чувство оказалось неожиданно неприятным. Он не помнил, чтобы хоть что-то заставляло его растеряться с той самой поры, когда жидкий огонь эликсиров Обращения превратил его из жи-

вого человека в бессмертную нежить.

– Знакомая персона?

Вопрос Темного Властелина Гримо прозвучал скорее утверждением. Темный Властелин Хегертон кивнул.

– Я знал его когда-то. Мы бились плечом к плечу в битве у Грифонных Врат, когда выскочки Темноземья начали мятеж. А потом... Потом он...

– Был приближен Королевой, верно?

Глаза Темного Властелина Гримо были хитро прищурены.

– Да! А потом он пропал.

– Как видишь, не совсем. По крайней мере, не полностью. Эй ты! А ну, просыпайся!

Темный Властелин Гримо обращался к лежащей на полу голове и весьма непочтительно пинал ее в ухо.

Голова застонала и открыла глаза.

Белесая пленка, затягивавшая глазницы, сделалась прозрачной, и Темный Властелин Каллегрен хмуρο взглянул на своего обидчика.

– Настанет день, Гримо, и даже твои рефлексy тебя не спасут, – басом сказала голова и попыталась сплюнуть на пол, но безуспешно. – Привет, Хегертон. Я вижу, ты тоже с нами? Как там поживает ее величество? Что, не оправдал возлагавшихся на тебя надежд?

Потом голова шевельнулась, качнулась из стороны в сторону и утвердилась в вертикальном положении на обрубке шеи.

Только теперь Темный Властелин Хегертон разглядел то, что должно было броситься ему в глаза с самого начала.

Две пары кистей – грубые, мозолистые, поросшие курчавым волосом, – были пришиты к шее неровными стежками. Кисти шевельнулись, и голова Темного Властелина Каллегрена на двух десятках пальцев подошла к самым ногам Темного Властелина Хегертон, словно огромный безобразный паук.

Темный Властелин Хегертон подавил в себе произвольное желание как следует пнуть отвратительное создание, и удалось ему это с превеликим трудом.

– Я вижу, ты удивлен, найдя меня здесь и в таком состоянии, мой бывший соратник, – сказал Темный Властелин Каллегрен, вдоволь налюбовавшись изумлением и отвращением, написанными на лице Темного Властелина Хегертон. – Признаться, я тоже не чаял встречи, и не могу сказать, что очень уж ей рад. Ты был неплохим парнем, да, – ну, для Темного Властелина, разумеется!

Каллегрен заржал.

– Я не понимаю... – начал было Темный Властелин Хегертон.

– И неудивительно, – ответил Темный Властелин Каллегрен. – Видишь ли, Хегертон... Я – твоё будущее.

Идя неспешным шагом вдоль рядов высоких, почти до самого свода подземелья, стеллажей, Темный Властелин Хегертон рассматривал лежащие на полках предметы с чувством благоговейного ужаса.

Перед ним была вся история грехопадения Королевы начиная с ее первой супружеской измены после Обращения.

Все фавориты Королевы были здесь. Все до единого. Об этом они поведали Темному Властелину Хегертону сами.

Все те, кто обманул ожидания ее величества, все те, кто не оправдал ее надежд, все те, кто предал и кого предала она сама, – все они лежали на грубых досках в этом затерянном в недрах лабиринта дворцовых подземелий уголке.

Лежали частями.

Бронзовые таблички цинично сообщали Темному Властелину Хегертону то, что Темный Властелин Гримо знал и так. Он обстоятельно рассказывал своему спутнику о причинах, приведших каждого из бывших фаворитов Королевы на этот склад, – и делал это даже прежде, чем Темный Властелин Хегертон успевал прочесть надпись на очередной табличке.

Темный Властелин Каллегрен зловещим пауком семенил следом.

– А здесь ждет помилования Темный Властелин Сторм, победитель драконаров Большой Пустоты – это в джунглях

дельты Великого Хаама, если ты не знаешь. Ждет уже больше четырех столетий. И будет ждать еще столько же. Упова-ет на то, что ее величество смягчит его смирение.

– Жалкий трус даже не пытался бороться! – прошипел снизу Темный Властелин Каллегрен.

– Смирение есть добродетель, – откликнулся Темный Вла-стелин Сторм со своей полки. – Я уповаю на мудрость Вла-дычицы.

– Она давно забыла о тебе, жалкий червяк!

– О нет, – Темный Властелин Сторм улыбнулся, – она не забывает ничего. Придет время – и Королева вспомнит обо мне и поймет, что я достоин прощения.

– Вспомнит, как же! Через тысячу лет! Жди!

– Я терпелив, – смиренно отвечал Темный Властелин Сторм.

На стеллажах, которые казались бесконечными, стояли банки с органами. За прозрачным стеклом каждой из емко-стей в мутноватом растворе консервирующей жидкости пла-вали части тел Темных Властелинов, ожидая часа, когда их извлекут из банок и снова соединят в единое целое.

Час этот все не наступал.

Большая часть расчлененных Темных Властелинов прово-дила Вечность своего наказания в бездействии, как Темный Властелин Сторм. Однако некоторые беспокойные экзем-пляры, подобные Темному Властелину Каллегрену, предпо-читали не ждать помилования, а действовать.

Обманом, лестью, подкупом слугителей и угрозами мятежные Темные Властелины добывали свободу отдельным частям своих бессмертных тел. Глядя на хитро ухмыляющегося Темного Властелина Гримо, Хегертон понимал, что некоторые из этих частичных побегов были совершены с явного попустительства зрителя подземелий, существование которого в вечной полутьме подземного лабиринта было лишь немногим веселее, чем унылые будни его узников.

Оказавшись на свободе, сбежавшие части тела старались выволить из прозрачных застенков остальные части тел Темных Властелинов, порой вступая во временные союзы самым причудливым для непосвященных образом. Правдами и неправдами раздобыв иглы и нитки, фрагменты Темных Властелинов принимались за дело.

Тот престранный квазиорганизм, которым был сейчас Темный Властелин Каллегрен, являлся детищем союза самого Каллегрена с Темным Властелином Юкко, хранившимся полкой выше на стеллаже напротив. Две сбежавшие из заточения кисти рук разных хозяев, встретив друг друга на полу и объединившись для вящей пользы единого дела, похитили голову Темного Властелина Каллегрена и свои недостающие пары, после чего на скорую руку сварганили из самих себя способного передвигаться и ориентироваться псевдопаука, на которого оставшиеся в банках части тел обоих Властелинов очень надеялись.

Заклучив союз с еще парочкой таких же ущербных изго-

ев, Каллегрен со товарищи устроил засаду у входа, намереваясь оглушить зрителя и завладеть его ключами. Дальнейший побег казался заговорщикам лишь делом техники. При этом у них не было не то что плана дальнейших действий, но даже и плана подземелий. Их миссия была заведомо обречена на провал.

Уныние, пропитавшее это страшное место, проникло в самое сердце Темного Властелина Хегертона. Отчаяние и ощущение собственного бессилия овладели всем его существом – но, востепенувшись, он отринул эти недостойные вина и мужа чувства, стоило ему оказаться у свободной полки в самом конце ужасающей кунсткамеры.

Надпись на заботливо закрепленной на пустующем месте бронзовой табличке гласила: «Темный Властелин Хегертон».

Именно эта заведомая предрешенность его судьбы возмутила Темного Властелина Хегертона до самой глубины его черной души.

Развернувшись на каблуках, Темный Властелин Хегертон пресек поток злобных причитаний Темного Властелина Каллегрена, брезгливо отшвырнув его с дороги ногой. Кивнув на прощание своему провожатому по кругам ада Проклятых, Темный Властелин Хегертон покинул эту обитель скорби, оставив за спиной тысячи изломанных тел и судеб, которые не смогли противиться железной воле своей Госпожи, предпочтя отдаться на милость ее суда.

Но суд Королевы не был милосердным.

Темный Властелин Хегертон решил попытать счастья, бросив вызов своей создательнице.

Тысячи глаз провожали его взглядами из своих прозрачных тюрем. Уходя, он чувствовал спиной их боль, удивление и ненависть.

– Ты вернешься! – кричал ему вслед Темный Властелин Каллегрен. – Мы будем ждать!

Темный Властелин Гримо задумчиво смотрел вслед уходящему Темному Властелину Хегертону. Когда тот скрылся среди теней и неверного света факелов, Темный Властелин Гримо бережно стер пыль с бронзовой таблички с именем последнего фаворита Королевы.

– Кто знает... – пробормотал он себе под нос. – Кто знает...

* * *

Некоторое время поблуждав по лабиринту коридоров в поисках выхода, Темный Властелин Хегертон нашел наконец верное направление. Уже у самой лестницы его внимание привлекла неприметная дверца, из-за которой доносился женский плач.

Замка на двери не было, и Темный Властелин Хегертон, поколебавшись, открыл ее.

Светлая и неожиданно чистая комната была залита ярким

светом алхимических светильников. На стальных столах, отполированных до блеска, лежали обнаженные женские тела. Тел было много. Очень много.

Обостренным чутьем бессмертного Темный Властелин Хегертон безошибочно определил, что все женщины такие же Обращенные, как и он сам. Сказать по правде, Темный Властелин Хегертон не был уверен, остались ли вообще на континенте другие смертные, кроме Вечного Короля, добровольно отказавшегося от дара своей супруги.

Женщины эти приняли Обращение в разном возрасте. Здесь были тела стройных юниц и зрелых матрон, совсем еще девочек – и совершенных старух. Были тела красивые, обычные и безобразные... разные.

Объединяло их одно.

У тел не было лиц.

Кожа была аккуратно отделена от подлежащей плоти, и обнаженные мышцы выглядели огромной раной от шеи до линии роста волос.

Женщины были живы. Растворы, вливаемые в их вены по многочисленным трубкам, поддерживали их в бессознательном состоянии. На груди каждой из них скомканной маской лежала кожа ее лица.

У всех – кроме одной.

Эта женщина – стройная, Обращенная в молодом возрасте – лежала на ближайшем ко входу столе. Из ее лишенных век глаз катились слезы.

Именно ее плач слышал Темный Властелин Хегертон.

Женщина, почувствовав его присутствие, с трудом повернула к нему ужасающую рану лица и взглянула прямо в глаза Темного Властелина.

Глаза у нее были ярко-зеленые.

– Помоги мне, – попросила она Темного Властелина Хегертонна.

Слова ее звучали невнятно – у женщины не было губ.

Темный Властелин Хегертон понял, чье лицо он покрывал поцелуями этой ночью.

Он бросился бежать – прочь, наверх, к свету.

* * *

Решительным шагом Темный Властелин Хегертон пересек двор и скрылся в дворцовых конюшнях. Грубо разбудив пинками своего слонарда, безмятежно дремавшего в именном стойле, он приказал конюхам седлать животное, а кочегарам – подкинуть угля в топку и доверху наполнить тендеры. Закипела вода в котлах, заухали, просыпаясь, поршни внешнего силового скелета, разминая скованные сном мышцы животного, и колдовской декокт хлынул по венам слонарда, насыщая его потребной для долгого пути энергией.

Несколько минут спустя Темный Властелин Хегертон в клубах дыма и пара, рвущихся из клапанов и труб его скакуна, выехал из главных дворцовых ворот и нырнул в лабиринт

улиц и переулков столичного города Вэл. Трубный рев возмущенного слонарда, напролом прущего через толпу, отмечал его путь. Постепенно рев этот делался все тише и тише, пока не стих в отдалении.

Темный Властелин Хегертон покинул столичный город Вэл.

* * *

– Как ты думаешь, о мой супруг, – спросила Королева, отойдя от стрельчатого окна королевских покоев, – вернется ли он?

– Этот кусок мяса не выглядел особенно сообразительным, супруга моя, – прожурчал из своего прозрачного чана Король. – Вряд ли у него хватит ума, чтобы незамедлительно пуститься в бег. Для подобных олухов слово «честь» все еще не является просто пустым звуком – даже если они и не находят ничего зазорного в том, чтобы спать с Королевой при жизни ее законного мужа и их Государя. Так что, думаю, да – он вернется. Хотя бы для того, чтобы пополнить твою коллекцию диковин. Очень назидательная коллекция, между прочим, дорогая.

– Я польщена, мой владетельный супруг, – потупив глаза, ответила Королева.

– Страх – вот что лучше всего побуждает к подвигам и свершениям, – сказал Государь. – Я рад, что мне удалось от-

крыть глаза нашему другу.

Королева улыбнулась – одними глазами.

Лицо ее в этот миг корчилося в беззвучном вопле.

– Наберемся терпения, – сказала Королева. – Может быть, хотя бы у одного из этих дуболомов что-то все-таки получится.

– Ты еще надеешься на чудо, любовь моя, – прохрипел Король. – Я рад, что хоть что-то в тебе нынешней осталось от тебя прежней. Хотя ты и при жизни была такой же сукой, что и сейчас, в бессмертии.

– А ты всегда был ослом, мой августейший муж, – раздраженно бросила Королева. – И ослом остаешься.

Ее лицо неслышно хохотало – хохотало так сильно, что часть швов разошлась, открывая безобразную, сочащуюся сукровицей и гноем обожженную плоть под маской чужого лица. Прижав отслоившуюся кожу ладонями, Королева быстрым шагом покинула комнату.

– Но я хотя бы жив, – сказал ей вслед Вечный Король. – И все еще могу умереть.

Потом он замер. Глаза его потускнели, взгляд остановился, и великий монарх Империи Севера стал похож на огромную уродливую рыбу, засыпающую в душной несвежей воде своего аквариума.

Где-то в дворцовых подземельях раздался истошный женский вопль, но Король не проявил к нему никакого интереса.

* * *

Довольно долгое время в Империи Северного континента не происходило ничего, заслуживающего внимания.

Темные Властелины вели бесконечные междоусобные войны друг с другом, стараясь хоть как-то развеять скуку бесконечной не-жизни и скоротать лежащую перед ними Вечность.

Королева приближала к себе все новых фаворитов, пополняя ими свою коллекцию диковин по мере того, как ее интерес к ним ослабевал, а потом и вовсе сходил на нет.

Вечный Король молчаливо боролся со смертью в глубине прозрачного чана, проклиная каждый новый день своей вечной жизни.

Шли годы.

* * *

А Темный Властелин Хегертон по-прежнему искал.

За это время он пересек Северный континент от полудня к полуночи и с заката на восход, и сделал это не один раз.

Он проскакал на своем слонарде вдоль побережья, объехав континент вокруг.

Он поднимался на вершины горных хребтов и спускался

в глубокие подземелья.

Поговаривали, что даже глубины прибрежных вод были исследованы им, – но верны ли были эти слухи, мог сказать лишь сам Хегертон.

В своих странствиях он повстречал странных людей и не менее странных нелюдей. Лишь часть из них были существами Обращенными – бессмертные были неинтересны Темному Властелину Хегертону. Нося в сердце частичку Вечной Королевы, каждый Обращенный был, по сути, частью ее самой – и то, что знали ее подданные, было известно и самой Госпоже. А раз уж сама Королева не могла себе помочь – то и ни один из ее подданных не мог прийти на выручку Темному Властелину Хегертону.

Это он понял уже очень давно, обратив свое внимание на смертных.

На живых.

Потому он и посетил за годы своих скитаний именно те места, где еще можно было встретить смертного человека.

Он побывал в горных лесах Центрального Хребта Северного континента, где скрывались от Обращения поклоняющиеся Старым Богам племена дикарей.

Он продрался сквозь непроходимые джунгли далекого юга, отыскав в глубине влажных лесов последние деревни низкорослых карликов-людоедов.

Он посетил острова окружавших континент архипелагов, повстречав там людей с удивительно светлой кожей, живших

по непонятным обычаям и говоривших на языках, которых никогда не слышал никто во всей Империи.

Темный Властелин Хегертон повидал за годы своих странствий столько диковинных мест, сколько не видел до него ни один из вечноживущих во всем мире.

Темный Властелин Хегертон был упорен и терпелив. И его поиски увенчались успехом.

* * *

Спустя без малого три десятилетия после своего бегства из столицы Темный Властелин Хегертон въезжал в главные ворота королевского дворца, что в столичном городе Вэл.

Его скакун был сплошь покрыт шрамами и изможден. Латанные-перелатанные котлы текли по всем швам, и животное окутывали свистящие струи пара. Слонард едва волочил свои многочисленные ноги, и шатуны парового скелета уже не столько помогали ему, сколько были тяжелой ношей.

У королевских конюшен Темный Властелин Хегертон остановил слонарда, погасил топки и стравил пар из котлов. Слонард опустился на колени и испустил дух. Набежавшие конюхи с причитаниями захлопотали вокруг скакуна, разнуздывая его и потчuya живительными отварами из огромных матерчатых ведер.

Темный Властелин Хегертон спешилcя и жестом предложил своим спутникам последовать его примеру. Потом,

пройдя сквозь набежавшую толпу, замершую в благоговении, он вошел во дворец и сразу направился к королевским покоем.

Два неприметных человечка следовали за ним по пятам. Темного Властелина Хегертона ждали.

Королева встречала его в покоех своего супруга. Сегодня на ней было платье красно-золотого бархата и бескровно-серое личико младенца, отчаянно складывающееся в капризные гримаски.

Ее августейший супруг парил в середине гигантской хрустальной сферы, полной пузырящейся жидкости изумрудного цвета. Король был вызывающе наг. Его седые волосы и борода развевались в струях течения, создаваемого невидимыми насосами, а белесые глаза смотрели все так же безразлично, как и помнил Темный Властелин Хегертон.

Темный Властелин Гримо и Темный Властелин Каллегрен, разжившийся за это время парой левых стоп и тремя правыми кистями, были призваны в королевские покои, чтобы засвидетельствовать провал миссии Темного Властелина Хегертона.

– Моя Королева, – молвил Темный Властелин Хегертон, опускаясь на колени у ног Госпожи.

– С возвращением, мой беглец, – голос Королевы был обманчиво мягок. – Поднимись же. Чем ты можешь порадовать ту, что подарила тебе бессмертие?

– Я справился, моя Госпожа, – ответил Темный Властелин

Хегертон.

– Вот как? – с притворным удивлением сказала Королева, пронзая его взглядом. Ее лицо между тем заливисто хохотало над чем-то, но ни единого звука не сорвалось с детских губ, когда Королева замолчала, выжидающе глядя на Темного Властелина.

– И где же оно? – капризно топнула изящной ножкой Королева Проклятых, не дождавшись ответа своего вассала.

– Ваше лицо? – спросил Темный Властелин Хегертон.

– Именно, тупица! Мое лицо! – Королева была в ярости. Темный Властелин Хегертон, которому в прошлом очень хорошо была знакома молниеносная смена настроения, лишь улыбнулся.

– То лицо, которое сорвал с вашей прекрасной головки дикий дракон во время охоты в горах Солангаш, моя Госпожа? – невинно уточнил Темный Властелин Хегертон. Впрочем, видя взбешенный взгляд Королевы, он оставил шуточный тон и поспешил ответить: – Я не нашел его. Даже тот дракон давно уже мертв. Ваше лицо он благополучно сожрал и переварил, моя Королева.

– Стража!.. – взвизгнула Королева.

Темный Властелин Каллегрен злобно захихикал и заплодировал всеми имеющимися у него конечностями. Темный Властелин Гримо хранил невозмутимость. Король улыбнулся.

– Не спешите, прошу вас, ваше величество, – голос Тем-

ного Властелина Хегертона был совершенно спокоен. – Я не нашел вашего лица, но знаю, что делать. Прошу вас, выслушайте меня, моя Королева.

Королева совладала с обуявшим ее гневом.

– Говори, – процедила она. Голос ее был полон льда.

Темный Властелин Хегертон благодарно кивнул.

– Позвольте представить вам Мбоно, необращенного из племени Речных людей.

Повинуясь жесту Темного Властелина, вперед выступил худощавый, похожий на ребенка человек с очень темной, почти черной кожей – гораздо темнее кожи самих Проклятых – и шапкой курчавых волос на голове. Человек учтиво поклонился Королеве и ее супругу.

– Его деревня, затерянная в лесах юга, славится своими мастерами-керамистами, – продолжал Темный Властелин Хегертон. – Мбоно – лучший из лучших.

– Так, – бесстрастным голосом сказала Королева. – И что мне с этого?

– Мбоно покажет вам образцы своих изделий. – И Темный Властелин Хегертон ободряюще махнул своему спутнику.

Из матерчатого заплечного мешка чернокожий бережно извлек нечто, показавшееся всем на первый взгляд отрубленной головой. Темный Властелин Каллегрен издал странный сдавленный звук. Хегертон ухмыльнулся.

Королева судорожно втянула воздух сквозь сжатые зубы. Это была маска.

Маска черного фарфора с прорезями для глаз, повторяющая своими изящными очертаниями контуры женского лица. На угольной черноте фарфора небрежными, но очень выразительными мазками были намечены брови и губы.

Мбоно осторожно положил маску к ногам Королевы. Потом извлек из своего мешка еще одну. И еще. И еще.

Масок было много. Выражения, запечатленные на них, были разными, но совершенно точно отражающими одну из эмоций.

Гнев. Страх. Возбуждение. Алчность. Восторг. Радость...

Королева нерешительно коснулась одного из фарфоровых лиц кончиками пальцев и тут же отдернула руку, словно обжегшись. Коснулась снова. Взяла в руки, дивясь невесомости фарфора. Провела ногтем по его гладкой поверхности, заставив маску зазвенеть.

Глубоко вздохнув, сорвала с себя лицо младенца и примерила маску.

Несколько бесконечно долгих мгновений она стояла неподвижно. Глаза в прорезях маски были закрыты. Королева прислушивалась к себе.

Потом глаза медленно открылись. То, что Темный Властелин Хегертон увидел в их зеленой глубине, наполнило его темную душу надеждой.

– Какое необычное ощущение, – с удивлением сказала Королева. – Кто бы мог подумать...

– Как вы чувствуете себя, ваше величество? – спросил

Темный Властелин Хегертон.

– Странно, – ответила Королева. – Очень... Очень уютно. Так, как я не чувствовала себя уже очень давно. С того самого дня, когда...

Королева запнулась.

– Дракон? – спросил Темный Властелин Хегертон.

– Да...

Голос Королевы был подобен вздоху.

Маска выражала радость.

– Но... как?!

– В деревне Мбоно считают, что в черном фарфоре заключено волшебство древних богов, – улыбнувшись, ответил Темный Властелин Хегертон. – И между маской и ее носителем устанавливается взаимная связь. Маски управляют вашими эмоциями, усиливая их. Вы чувствуете сейчас именно это, моя Госпожа.

– Их так много...

– И Мбоно изготовит еще, всякие, какие вам нужны, моя Королева, – сказал Темный Властелин Хегертон.

– Но смена эмоций потребует и смены масок... – Королева говорила словно сама с собой. – Но я не могу никому позволить видеть мое... Мое...

– Увечье, – закончил за нее Король.

Темный Властелин Хегертон перевел дыхание.

– Позвольте представить вам второго моего спутника, моя Королева. – По жесту Темного Властелина Хегертон Коро-

леве поклонился человечек крошечного роста, похожий на гнома. Его выпуклые глаза светились недюжинным умом, а кожа была белоснежной.

– Моего друга зовут Кольц Хаарт, и он родом с Оргайских островов, где в почете наука, а не алхимия и магия, – продолжал Темный Властелин Хегертон. – Кольц Хаарт в своих лабораториях исследует свойства времени. В последнее время он в своей работе продвинулся настолько далеко, что может смело показать, чего он достиг.

Маленький человечек извлек из кармана своих странного покроя одежд некий прибор, напоминающий серебряную луковицу. Одно нажатие пальцем – и откинулась крышка, открывая глазам собравшихся призму из горного хрусталя, под которой по кругу были расположены на белом диске некие символы, на которые указывали укрепленные на единой оси стрелки.

– Кольц Хаарт открыл способ останавливать время, – сказал Темный Властелин Хегертон. – Ненадолго – на сущие мгновения. Но их будет достаточно для того...

– ...чтобы сменить маску, – закончила за него Королева, пристально разглядывая Хегертон, островитянина и прибор.

– Именно так, моя Госпожа, – поклонился Темный Властелин Хегертон. – Вы очень проницательны.

– Я ведь Королева, – сказала Королева Империи Проклятых Северного континента. – Дайте мне прибор.

– Но, Госпожа... – начал было Темный Властелин Хегертон, но Королева топнула ножкой, и в мгновение ока прибор оказался в ее тонких пальчиках.

Миг – и маска, скрывающая ее лицо, выражала изумление.

Еще через миг – восторг.

Сомнение.

Решимость.

Удовлетворение.

– Что ж, Хегертон, – сказала Королева, – ты справился с моим поручением. С возвращением, мой Темный Властелин! Добро пожаловать домой!

Маска лукаво подмигнула Темному Властелину Хегертону, а зеленые глаза в ее прорезях искрились от смеха.

* * *

В одну из ночей много лет спустя полностью обнаженный Темный Властелин Хегертон вновь лежал на растерзанном королевском ложе, а Королева, оседлав его, разглядывала своего фаворита сквозь прорези в черном фарфоре маски. Маска игривым изгибом нарисованной брови и небрежным мазком озорной улыбки отражала то же ироничное любопытство, что читалось и во взгляде женщины.

– Мой Хегертон, – сказала она, и голос ее казался перезвоном хрустальных колокольцев.

– Да, моя Королева? – отозвался Темный Властелин Хе-

гертон.

В самом уголке сознания он почувствовал некий зуд, не сразу опознав его причину. Да, а ведь и вправду – что-то до боли знакомое...

Королева склонилась к самому его уху.

– Я хочу ребенка, Хегертон, – сказала она негромко. – И это не обсуждается.

За стеной покоя в прозрачном чане, полном алхимических зелий, скрипуче рассмеялся Вечный Король.

Оксана Глазнева. Лукошко

Весна не пришла.

Дни сменяли друг друга, тихие, белые, холодные. Неделя шла за неделей. Окончился месяц зимобор, пролетел цветень, и травнец на исходе, но снег не растаял. Яркое летнее солнце не грело, словно все тепло отняли у солнца.

«Чародеи виноваты, – говорили меж собою люди. – Не след им было войной на мавок идти. Порубили лесных деток, а с ними и весну...»

Можно было смеяться над суеверными дураками, но вот окончилась война, отобрали люди лес, и весна не пришла.

Алексей Корак остановился на вершине холма. Внизу, за замерзшим ручьем, отмеченным ломкими оледеневшими ивами, за белыми нетронутыми огородами, вытянулась вдоль тракта деревенька. Кружилась в воздухе снежная пыль, блестела под солнцем, будто небесные чаровницы сыпали серебро на безнадежную землю. Подул ветер. Одинокое облако ушло на запад, унося волшебство. Остались лишь поле, человек, железный конь и деревня.

Алексей отпустил поводья Тишки, снял с плеча походную сумку и тяжело вздохнул. Наступит ли лето? Предчувствие говорило, что – нет.

Их Третий Механический Взвод имени Его Высочества Царевича Ярослава в боях не участвовал. Они чинили и сма-

зывали механических коней. Все парни деревенские, кузнецы, хоть и из разных концов империи. Первое время «залезяк» побаивались. Животные, созданные из металла и магии чародеями его величества, внушали ужас. Но они тянулись к людям, всхрапывали, жевали древесный уголь и ветки, трещали по-кошачьи, сжигая в брюхах лакомства. И люди привыкли. В холодные ночи животные грели хозяев, а те кормили и заботились о них. Когда взвод добрался до фронта и «конячек» бросили в бой, даже в глазах сурового Петра блеснули слезы.

Бои шли всю зиму. Каждая пядь Великого Леса давалась людям большим трудом. Мавки лишь на первый взгляд казались безобидными. Их слушались деревья, корни, ветки, кусты и каждая лесная тварь. Но отступить было нельзя. Лес нужен был для заводов и фабрик, для новых городов, для империи. Жрецы-чародеи благословили людей на войну и назад дороги не оставили.

Никто не ждал, что война затянется. Его величество обещал, что она будет молниеносной, но ошибся. Никто не представлял до конца, насколько велик Великий Лес. Впереди шла железная конница, за ней – пехота. Все вооружены ружьями и огнем. Первые мавьи поселения сдались без боя, но армия все дальше и дальше заходила в лес, с каждым шагом удаляясь от границы, и мавки сомкнули кольцо.

...Взвод Алексея не воевал, они лишь чинили железных лошадок, но в Проклятом овраге все изменилось. Кузнецам

пришлось взять в руки ружья. Алексей был хорошим парнем. В родной деревне его все любили за кроткий нрав и умелые руки, но война оголила, сняла кожу, вывернула наизнанку. И тут обнаружилось, что он – трус.

Алексей забился под воз, спрятался за спинами друзей. Последние из взвода: Петр, Иван, Всеслав Белый и Всеслав Рыжий, Андрей, Макар и лейтенант Илья... Их тела так и остались гнить в овраге. Алексей от ужаса потерял сознание, пришел в себя посреди ночи от ощущения, что кто-то смотрит на него.

Мавок он до того не видел: они прятались среди ветвей, их так и сжигали вместе с деревьями войска авангарда. Потому Алексей сразу даже не признал ее. Перед ним на коленях, прижимая руки к животу, стояла девочка. Лет двенадцати, худенькая, волосы светлые и длинные, а глаза зеленые, большие и блестящие. Мавка была похожа на его младшую сестренку, она смотрела Алексею в глаза, и он смотрел на лесную девочку. Ружье лежало рядом, но рука не поднялась. Девочка дышала часто и неглубоко. Капала темная кровь из вспоротого пулями живота, а позади горел лес. Мавка умирала. Лес умирал. Умирили его товарищи. В овраге невредимым оставался лишь Алексей Корака, а затем...

«Чего вспоминать, парень, – сказал лейтенант Илья. – Уж как вышло, так вышло».

«Это она все. Тварь лесная!» – процедил Всеслав Рыжий.

«Я слышал такие истории от брата, да думал, что сказки, –

согласился Макар. – У них иначе все устроено. В одном теле несколько душ уживаются. Мы им чудными, верно, казались. Расточительными. Словно в лукошке по одному грибу лежит. Вот, помирая, и собирала она в тебя, Лешка, как в лукошко, души человечьи. Ты ж цел был, а остальные лукошки порченые».

«Лукошко!» – рассмеялся Андрей.

Но так Алексей себя и чувствовал. Семь сослуживцев, он и мавка. Девять душ продолжали жить в одном теле, смотреть его глазами, дышать его грудью, навсегда поселились в мыслях внутренними голосами, бессильными, но живыми.

«Выпей сегодня винишка за наши души, парень», – примирительно сказал Петр.

«Что вы с ним нянчитесь? – вмешался Рыжий. – Чего жалуете? Пока мы помирали, он среди лошадей хоронился! Нашими телами закрылся, паскуда!»

«Я приказал охранять лошадей», – вступился лейтенант Илья.

«А он сохранил?!»

Алексей тряхнул головой, вдохнул полной грудью колющий от холода воздух. Пусть бормочут голоса в голове. Он слушать не будет. Дом! Он вернулся домой!

Внизу, за темной полосой терновника, примерзшего к спящему ручью, за хлипким мостиком из бревен, начинались огороды. Деревенька Кроткая вытянулась вдоль ручья,

вдоль старого тракта, заваленного снегом. Отсюда, с холма, виднелись крыша родительского дома, ветви акаций и запертые на зиму ворота для выгона скота. Жив ли еще тот скот?

Алексей перевел взгляд на Тишку. Железный конь покорно ждал приказов, опустив голову к земле. Некрасивый, собранный из останков своих товарищей прямо там, на поле боя, как и его хозяин. Это он вынес Алексея к своим, а затем прочь с фронта. Верный друг. Снежная пыль таяла на теплых металлических боках, из ноздрей время от времени вырывались облака пара, ласково трещал огонь, пожирая уголь в железном брюхе. Кораك погладил морду коня. Тишка ласково ткнулся в ладонь.

Они спустились вниз по едва заметной тропе, пересекли ручей, прошли мимо огородов и подошли к забору. Отпереть примерзший замок Алексей не смог, пришлось обходить двор, добираться до узкой калитки. Сестра Анютка несла воду из колодца. Увидела брата, громко взвизгнула и выпустила из рук ведро. Вода окатила ледяными брызгами подол платья.

– Мама!

На крик выбежал из дома отец, вышла мать из курятника, всплеснула руками, бросилась к сыну. Ему открыли калитку, стали обнимать, все плакали, даже отец. Голоса в голове уважительно молчали, не смея вмешиваться. От неожиданного счастья никто даже не удивился Тишке, бросили настороженные взгляды и забыли.

Когда улеглось волнение, когда мать перестала плакать, накрыли на стол. Пришел старший брат Виктор, живущий на другом конце деревни, принес кислого тернового вина.

Прошлогодний картофель неприятно отдавал гнилью, мелкий, как вишневые ягоды. Сало тоже старое, из тех запасов, что хранят для жарки. Хлеб свежий, да немного. Мать стыдливо суежилась над столом.

– Ты перекуси, сынок. А к вечеру я состряпаю... Соседей позовем, сядем по-людски...

Алексей посмотрел за окно: небо затянуло облаками, снова шел снег. Не посеяна пшеница, не засажены огороды, скотину кормят прошлогодним сеном и соломой, да сколько их уже осталось?

Сестра вернулась с улицы. За ней в дверях мелькнул цветастый платок – и сердце Алексея забилось быстрее. Марьяна.

Он не помнил, как поднялся из-за стола, как оказался рядом. Невеста бросилась на грудь, заплакала, порывисто целуя в губы. И он прижимал ее к себе изо всех сил, вдыхал запах волос, целовал мокрые щеки. Затем сидели за столом. Отец наливал в кружки вино. Марьяна сжимала руку жениха, боясь отпустить.

«Красивая...» – затаив дыхание, прошептал Петр.

«Не заслужил он такой девки!» – бросил Рыжий.

Оба были правы. Марьяна была красавицей. Черноволосая, черноглазая, веселая и добрая. Жили они по соседству,

погодки, с детства играли вместе, выросли, влюбились, родители заслали сватов, и предложение было принято – обычное дело. Когда Алексея призвали на войну, они готовились к свадьбе. И вот он вернулся...

Корак держал ее маленькую теплую руку, слушал веселый щебет, смотрел на раскрасневшееся от мороза и вина лицо, и сердце замирало.

«Ох, горяча, небось? – шептал над ухом Андрей. – Люблю таких! Ладненьких да мяконьких».

Алексей раздраженно махнул головой, но голос не унимался.

«Грудки небось, как мой кулак...»

Корак до боли сжал ладонь девушки, она вскрикнула и отдернула руку.

– Что с тобой, Лешенька? – заглянула в глаза невеста.

«Не дергайся, дурак! – смеялся Андрей. – Я ж просто говорю».

«Не говори!» – угрожающе вступился лейтенант.

«А чего такого? А то ты не думаешь, что у нее под рубашкой? Небось, тоже голую девку год не видел?»

«Молчи», – попросил Макар.

«Заткнись! – приказал лейтенант. – А не то...»

Но Рыжий не унимался.

«А не то – что? Я решил, меня боги за старые грехи наказывают. Не думал, что будет еще счастье в жизни, а поди ж ты...»

«Завязывай, Андрюха», – попросил Петр.

«Парень нашими спинами от смерти прикрылся, пусть теперь оплатит, порадует мертвых товарищей. Он зеленый совсем, может, я ему чего подскажу».

Илья взвыл, да ничего поделатъ не мог. Андрей смеялся. Ругались Петр и Рыжий, пытался успокоить всех Макар...

...Алексей пришел в себя на полу. Отец и брат нависли над ним, держали за руки. Плакала мать. Белая от страха и жалости, вжалась спиной в стену Марьяна. Сестра плеснула воды в лицо – и та, рыжая от крови из разбитого лба, потекла за шиворот.

Отец запретил женщинам спрашивать парня. Алексей забился в угол в сарае, вдыхал запах скотины и железа, прижимался к теплому боку Тишки. Он не хотел плакать, да злые слезы текли из глаз сами, по-бабьи. Голоса в голове пристыженно умолкли.

Не будет свадьбы осенью, не будет прежней жизни. Закончилась. Не по его вине, не по его желанию. Незнакомцы в золотых замках решили начать войну, изувечили природу, людей, Великий Лес, уничтожили мавок и жизнь кузнеца Алексея Корака. Да разве есть у него силы спросить с них? А смелость?

Он снял ремень, сжал в руках. Деревянный лежень, что делил крышу сарая надвое, светлел над головой: «Подходи, парень! Выдержу!»

Алексей бросил ремень в солому, опустился на пол.

Он уже пытался. Дважды со дня окончания службы прилаживал веревку на шею, да так и не решился. Трусил.

Корак зажмурился, сжал зубы и тихо завыл.

«Глупо, парень, – сказал Илья. – Хоть вой, хоть плачь, а никуда мы не денемся. Ты же знаешь».

«Не жизнь, а задница, – согласился Петр. – Да другой не дают».

Мавка молчала. Виновница всего случившегося затаилась. За все время она ни разу не говорила с ним, да только Алексея не обмануть. Он по-звериному чуял ее в себе. Чужачку.

– Исправь все! Верни назад! – закричал Корак.

Животные в сарае испугались. Замычала корова. Нервно заплясал теленок, прижался к матери. Лишь Тишка стоял неподвижно.

– Верни назад, проклятая, верни!!!

Но мавка не отвечала.

Праздничный ужин не удался. Пришли соседи, будущие сваты, староста. Мать с сестрой хлопотали у стола, отец мрачно переглядывался со старшим братом. Алексей к ним не вышел. Он сидел в углу сарая, опустив голову на руки.

Марьяна сама пошла за ним. Замерла у входа, боясь войти.

– Алешенька!

Он не ответил.

– Душа моя, сердце мое, не молчи! Чего бы ни приключилось, мы все переживем!

Она вошла в сарай, хотела подойти, но Тишка фыркнул, выпустил облако пара, и девушка, вскрикнув, отпрянула. Тут же устыдилась своего страха, хотела подойти, да Корак не дал.

– Уходи! – приказал он.

– Алешенька!

– Слово свое назад беру. Найди себе жениха покраще.

– Что ты говоришь такое? Я тебя сколько ждала, а теперь брошу?

– Не ты меня бросаешь, а я тебя, – жестоко ответил он.

Невеста еще мгновение постояла в дверях и, в отчаянии всплеснув руками, ушла.

«Дурак ты», – сказал Петр.

«И то верно, – согласился Андрей. – Нам пожалел бабу показать, так и себя радости лишил».

Не радости. Сердца он себя лишил.

В груди было пусто и тихо.

Когда гости разошлись, Алексей вернулся в дом.

На улице стемнело. Слабо освещала комнату единственная свеча. Отец сидел за столом, рассматривая руки. Раньше он курил, да табак кончился несколько недель назад. Алексей тяжело опустился на лавку напротив, и отец, не спраши-

вая, налил ему в стакан вина.

– Ну, как вы тут? – тихо спросил Алексей.

Отец пожевал губами, помедлил. Говорить он не хотел, да и Алексей не предполагал ответ. Спросил лишь потому, что от него ждали вопроса.

– Помаленьку... Скотина жива, слава богам. Сена много заготовили прошлым летом, есть еще на недельку. Как думаешь, сойдет снег?

– А что чародей наш говорит? – ушел от ответа Алексей.

– Митька? – Отец усмехнулся. – Уехал в город к столичным магам за советом. Уже месяц, как нет вестей. Сбежал, сучий хвост.

Алексею постелили в маленькой комнате у печи, как раньше. Скреблись в подполе голодные мыши, завывал за окном ветер, сыпал снег в окна. Словно и не покидал он родительского дома, словно весь прошлый год привиделся в страшном сне. Да только за окном начинается месяц златец. Лето. Хотелось гнать от себя тяжелые мысли, но правда есть правда: лета больше не будет. Как выживать тогда? Скотина передохнет, а за ней и люди?

«Ох, брат, – Иван тяжело вздыхал у плеча, – видал я такое. Наша деревня стояла ближе к границе с зелеными тварями. Как война началась, они на нас мор наслали. Пшеница не родила, трава сохла, вода в колодцах тухла... Хочешь жить – беги отсюда. Уходи на юг, может, у моря зима сошла, уходи

сейчас, пока еще можно взять в дорогу еды. Запряги Тишку в сани, он железный, он довезет!»

Иван был прав, но как уговорить своих? Отец с родной земли шагу не ступит. У брата жена на сносях. А Марьяна? Ее семья с ним и говорить не станет.

На соседней лавке спала сестренка. В полумраке Алексей видел лишь очертания маленького тела. Мысли вернулись к мавке. Сколько лет было ей? Была она древним чудовищем, безжалостным и диким, как Великий Лес, или лишь ребенком? Напуганным, затравленным и отчаявшимся? Желала она зла, собирая в него души людей, которых он предал, или просто спасалась как могла?

«Не думай о ней! Тварь себя спасала, ты для нее лукошком стал, ни больше ни меньше!» – проворчал Андрей.

«Ты должен попытаться спасти своих!» – настаивал Илья.

Но Алексей так и не решился поговорить с отцом.

Прошло несколько дней. Припадки больше не повторялись, но по деревне поползли слухи. О нем, о его коне.

«Прокляли мавки Лешку Корака, он и в деревню несчастье принес. И конь его нечистый, черная магия в скотине, попомните наши слова! В деревнях за рекой, говорят, снег тает, а у нас вторую неделю метет. Так и знайте, пока он и его скотина в деревне – не видать нам весны!»

Работать обратно в кузницу Алексея не взяли. Когда-то любимого ученика кузнец встретил неприветливо.

– Давай потом, парень. Не до тебя сейчас.

«Видят боги: это твоя теща языком метет!» – посмеивался Андрей.

«Нужно было слушать Ваньку и бежать, – добавлял Белый. – Того и гляди, придут ко двору с вилами».

«С вилами? Глупость какая», – озвучивал мысли Алексея Макар.

Но Белый оказался прав. Пришли.

День выдался ясный. Солнце заливало двор слепящим светом, серебрился снег, блестел самоцветами иней на деревьях. В такой погожий день люди с вилами казались смешными и нелепыми. Да только у Василисы Маковейки умерли от чахотки дети и муж, ее брат Федор пришел за сестру спросить, потому как сама женщина не в себе была. Назар Сухорукий забил всю скотину, дети голодают. Издохли лошади и корова у Игната Скоробогатова...

– Тварь железную пусть нам отдаст, а сам из деревни убираться.

– Куда же он пойдет, люди добрые?! – плакала мать.

– Молодой, авось, найдет себе место!

«Ответь им! – требовал лейтенант. – Негоже взрослому мужчине за спиной матери стоять».

«Ответь! – вступал Петр. – Они совсем сдурели от голода? Это твой дом, твоя лошадь. С какого перепуга ты должен уходить? И Тишка тут при чем? Боятся, так пусть не подходят!»

«Тишку отдавать нельзя, – соглашался Иван. – Когда совсем плохо станет, только он поможет. Обычные клячи, отошавшие от голода, далеко не вывезут».

«Да что он им скажет? – удивлялся Макар. – Страшно людям, вот и несут ерунду. Кто ж их осудит, когда у них такое горе?»

Стоящие впереди Назар и Игнат попытались оттолкнуть отца и мать, дотянуться до Алексея.

«Бей! – требовал Илья. – Если не дашь отпор сразу, они победят!»

«Не вздумай! Свой же!» – возмущался Макар.

«Ты человек или, верно, лукошко плетеное?! – кричал Андрей. – Ни смелости, ни мозгов, одна береста гнилая!»

«Если тронешь кого, точно избыют!» – добавлял чей-то трусливый голос, но Алексей уже не понимал чей.

За него вступился отец. Ударил первым, и Игнат завалился спиной на забор. Второй раз ударить отец не успел, на него накинулись Назар и Федор. Отчаявшиеся, они совсем потеряли голову – били старика смертным боем. И тут уже не осталось времени для споров. Алексей драться не умел никогда, но оттолкнул мать, повисшую на локте, и бросился к Федору.

– Убыют тебя, сынок! – заголосила мать.

Но уверенный голос лейтенанта – не в голове, рядом, за правым плечом – отчетливо и громко возразил:

– Это мы еще посмотрим!

Алексей пришел в себя не сразу. Перед ним посреди двора валялся Федор, размазывая по лицу кровавые сопли. Плакали за спиной сестра и мать. Отец сидел у ворот, прислонившись спиной к доскам, и скалил в усмешке окровавленные зубы.

Алексей посмотрел на свои руки, на Федора и отступил. В голове шумело. Корак языком подтолкнул расшатавшийся зуб и выплюнул в снег. Ликовали Илья и Петр, Иван и Андрей, а ему было страшно.

Игнат поднял товарища с земли и потянул прочь со двора. Нападавшие еще толпились за двором, посреди улицы, но кидаться снова боялись. Федор висел на плече у Игната, едва живой. Назар сплюнул в сторону.

– Завтра! – заявил он. – Прощайся со своими и проваливай из деревни! Иначе пустим вам красного петуха посреди ночи – никто не уйдет!

В тот же день Алексей, несмотря на увещевания матери, собрал солдатскую котомку, забрал Тишку и ушел.

«Не бросай их», – попросил Иван.

Алексей не собирался бросать. Ушел, чтобы беду отвести.

Дом деревенского чародея стоял за околицей, отделенный от деревни зарослями терновника и клеверным полем. То ли чародей уединился от односельчан, то ли односельчане отмежевались от чародея.

Алексей привязал коня под навесом у колодца, а сам вошел в дом. Внутри было чисто, пахло полынью и чесноком. Хозяин уезжал без спешки, но навсегда. Навел в доме порядок, что мог забрать – забрал, остальное сложил аккуратно у входа.

Дров в доме не нашлось. Алексей срубил немного терновника, накормил коня, остальное затащил в дом и растопил печь. Огонь долго не желал разгораться, сырые ветки чадили. Дом наполнился удушливым дымом, так Алексей и нашел тайный ход в подполе.

Видно, чародей понял, что с миром случилось что-то непоправимое, раньше односельчан. Может, письмо из города пришло, может, мажым чутьем угадал. Говорить людям не стал, но тайный ход из дома вырыл.

«А что он сказал бы?» – тяжело вздохнул Макар.

До войны, до того, как его семья обнищала и Макару пришлось идти подмастерьем к кузнецу, он жил в большом городе, ходил в школу. Его старший брат был чародеем. От него Макар много наслушался о мавках и Великом Лесе.

«Что сказал бы? – продолжил Макар горько. – Скоро по-рем все? Готовьте места на погосте? Если зима, и верно, навеки, если нет от нее спасения ни здесь, ни на юге, то разве честно лишать людей надежды в последние дни?»

«Он должен был сказать, – упрямо возразил Иван. – Должен предупредить, подготовить!»

Алексей отогнул половицы у кровати. Здесь дым отсту-

пал, сквозняк сбивал его в сторону. Под половицами темнел вырытый ход. Взрослому мужчине тесно, но худосочный маг или низкорослый, как подросток, Алексей – протиснется.

«Трусливая задница, этот ваш чародей! – выругался Рыжий. – Прямо как ты, Лукошко!»

Алексей скрипнул зубами, но не возразил.

День прошел, и второй. Люди узнали, что Корака поселился в доме чародея: увидели дым из трубы, а там дело за малым. Но не трогали. Вести о его кулаках быстро разошлись по деревне.

«Как вы это сделали?» – спрашивал Петр у лейтенанта.

Лейтенант не знал. Алексей не знал.

«Важно другое, – сказал Макар. – Важно, что такое возможно! Пусть нужен особый случай, пусть не каждому из нас это окажется под силу. Но, Алексей, ты только представь: если мы не просто мухи, жужжащие в твоей голове, если можем поделиться тем, что знаем и умеем? Представь, кем ты можешь стать! Мы все!»

Но Алексей не хотел представлять. Он и так чувствовал себя многоголовым чудовищем. А если Макар прав, тогда и многоруким? Много сильным? Сможет ли он удержать эту силу в себе, не навредить?

В начале второй недели подожгли сарай с Тишкой.

Алексею снаружи подперли дверь, так что вылезать из до-

ма пришлось через подпол, затем одному таскать воду из колодца, раскидывать горячие бревна и золу...

Тишка лежал среди почерневшего костровища, еще живой. Огонь растопил стеклянные бусины глаз, конь беспомощно водил головой из стороны в сторону, ища хозяина, пытался подняться на ноги, но от жара сломался паровой цилиндр внутри. Ноги коня не двигались.

Пепелище быстро остывало на морозе. Пошел снег. Пал, белый в черное, превращался в воду, и сразу – в липкую грязь. Алексей не мог сам поднять горячего, тяжелого коня. Он стоял рядом и плакал. Его спутники молчали. Все жалели Тишку.

«Ну что ты, парень! – попробовал успокоить его Петр. – Починим. Нас тут восемь кузнецов в одной голове! Починим, богами клянусь!»

«Конечно! – согласился Всеслав Рыжий. – Это ты у нас молодой, а мы-то с ребятами и не таких лошадок чинили. Проживет твой Тишка дольше нас всех!»

Но конь умирал. Изнутри, сквозь разошедшиеся заклепочные швы, вырывался горячий пар, как кровь из вены. И конь затихал, переставал двигаться. Железное тело оставляла магия...

Тогда они все и услышали мавку впервые. Девочка не говорила – пела. Тихая песня-шепот, песня-вздых, песня-колыбельная.

Никто из смертных не знал, как чародеи оживляют лоша-

дей. Это была большая тайна, оберегаемая магами больше собственной жизни. Откуда она ведома мавке? Может, тоже украдена у лесного народа, как и их земля?

Пела мавка. Не в голове. Взаправду. Рядом с ним, за плечом, оглянись – увидишь! Алексей оглянулся, но вокруг была лишь ночь. И песня. Тихие переливы колокольчиков, ласковый говор, щебет соловья, журчание реки, шелест листьев – дыхание жизни. От этой песни замерла вокруг ночь, перестал идти снег, а железный конь притих, слушал.

Тишка выжил. На рассвете Алексей ходил за помощью к отцу и брату. Они принесли инструмент, помогли вытащить коня. Задерживаться не стали. Алексей их не уговаривал. Отныне и навсегда у него появились новые товарищи. Они много спорили, бранились последними словами меж собой, да советы давали дельные. Пришлось соорудить кузню прямо у мага во дворе, под навесом для летней кухни, разгребать пепелище сарая, выносить обгорелые бревна за ворота, чинить поломанный забор... Так Корах сам не заметил, как прошла неделя.

Первое время он еще вздрагивал ночами, вслушивался: не пришли снова поджигать? Но в деревне стало не до него. Дохнул скот, а тот, что не сдыхал, приходилось резать. Плакали над коровками-кормилицами бабы. Резали кур-несушек. Последнее зерно уходило в рыжий, пресный хлеб. Зачастили по ночам оголодавшие в лесу волки, выли под окна-

ми, бродили у Алексея по двору. Пробовали даже на Тишку лаять, да быстро отступили, получив железными копытами по зубам.

Притихли голоса в голове. Да и о чем тут говорить? Алексей и сам видел, к чему все идет. Город в пятидесяти верстах на восток от Кроткой. Некогда торговый, оживленный тракт занесло снегом так, что если и захочешь, не проедешь. Соседние деревеньки умирали так же, как и Кроткая. Весна не приходила. Близилась беда, и, как когда-то перед боем, холодели руки и сердце.

Сны Алексею не снились с детства. Оттого ли этот сон так походил на явь? Битва в Проклятом овраге. Он вновь прижимался спиной к перевернутому возу, зажимал руками уши, жмурился от едкого дыма, а вокруг трещал огонь. Алексей оцепенел от страха. Наяву все его побратимы были там, впереди, в огненном плену, но во сне они стояли над ним. Все-слав Белый и Все-слав Рыжий, Петр и Иван, Андрей и Макар, Илья.

Лейтенант, с опаленными волосами и ресницами, перемазанный в саже, опустился перед ним на колени, заглянул в глаза.

«Проснись, друг!» – просил он.

Алексей уже понимал, что треск огня настоящий, что дым, дерущий горло, – настоящий, но не мог открыть глаза. Холод и усталость сковали тело, словно все пережитое за

последние месяцы одним тяжелым камнем легло на грудь. Стыд за собственную трусость, тоска по Марьяне, тоска по семье, бессилие и одиночество.

«Проснись!» – просил светлоглазый Макар. Его рубашка с вычурной вышивкой на вороте тлела, тлели черные волосы, сжимались от жара.

«Никто не хочет умирать, – сказал Иван. Дым застилал его, укутывал. – Особенно дважды».

«Ты должен! – кричал Андрей. – Мне должен! Нам всем! У тебя не хватило смелости стать рядом с нами, но в нашей смерти не было твоей вины. Но, если сейчас ты не поднимешь задницу и не выйдешь из дома, – она будет!»

«Не отговаривай, – попросил Илья. – Закончим это. Чего бы ни хотела девочка-мавка – напрасный был труд. Люди не способны нести в себе больше одной души. Тесно нам. Хотим быть едиными хозяевами в собственном теле, в собственном мире. Лучше себя погубим, да не поделимся ни землей, ни собой. Вот и весь сказ. Так ведь, парень?»

«Не в этом дело!» – возмутился Алексей.

«Хочешь поспорить – убирайся отсюда, – посоветовал Петр. – Ноги жжет».

Корак открыл глаза и закашлялся. В комнате было одновременно светло от огня, темно от дыма, жарко от пожара и холодно от стыда. Он скатился с кровати прямо на пол, ногтями поддел доски, отшвырнул в огонь. Свежий воздух наполнил дом, взвился огонь, жадно вдыхая его. Алексей по-

тянулся к яме под полом, но вдруг почувствовал, что кто-то взял его за запястье. Он обернулся.

Может, это чад от пожара, может, обрывки сна, но он явно увидел ее. Мавка держала его за руку, робко тянула обратно в огонь.

Она устала. Опустились худенькие плечи. Поникла голова. Мавка открывала и закрывала рот, как рыба, но даже вдоха не срывалось с губ. Тогда в лесу, оглушенная страхом и болью, она просто хотела жить. А сейчас, так далеко от леса, так далеко от всего, что помнила и знала, последняя из своего рода, запертая, как в клетку, в человеческий разум, она безмолвно просила его остаться в горящем доме. Исправить ее ошибку.

Алексею стало вдвойне стыдно. За трусость и нерешительность. За то, что он, в самом деле, все это время был лукошком – безмолвным и бессильным. Жар от костра или от близкой смерти, но Алексей вдруг увидел себя со стороны. В умирающем мире, где не осталось мавок, а люди не имели сил бороться с зимой, он уже не был обычным человеком, не был просто Алексеем Кораком из деревеньки Кроткой. А значит, не имел права держаться за свои страхи, за прежнюю жизнь и прежнего себя.

– Глупая, – сказал Корак устало, – ты так много сделала, чтобы мы выжили, а теперь хочешь сдаться?

Он нырнул в темный подпол, протиснулся в лазе, огонь обжег пятки, но не достал. Корак выбрался во двор, на снег,

и долго лежал, глядя в небо.

Догорали развалины дома. На востоке светлело небо. Алексей сидел у колодца, не отводя взгляда от огня. Босой, одетый лишь в обгорелое исподнее, он совсем не чувствовал холода.

В предрассветной темноте, подсвеченной лишь углями и редкими языками пламени, на границе ночи и утра, на границе сна и яви, Алексей мог представить их всех рядом. Вот за спиной остановился лейтенант, пнул ногой снег. Вот Все-слав Рыжий запустил пятерню в лохматую шевелюру. Вот Петр проверяет Тишку, осматривает, щурясь в темноте, сты-ки и свежие заплаты, гладит по спине. Вот Всеслав Белый тяжело вздохнул, посмотрел в сторону деревни. Иван сел на уцелевшую скамью, подышал на озябшие руки. Макар снял рубашку с вышитым воротником, бережно набросил на пле-чи худенькой девочке, и мавка вздрогнула, съежилась от при-косновения, подняла на человека недоверчивый взгляд.

– И что дальше? – нарушил тишину Илья.

Алексей не знал. Светлела ночь, отпускала нервная лихо-радка. Было страшно отвечать спутникам, потому что, на-чиная разговор, он принимал себя нового и невозвратность прежней жизни. Но пути назад больше не было.

– Давайте попробуем быть тем, чем сделала нас мавка, – сказал Алексей. – Как бы нас ни назвали: лукошком или чу-довищем, мы – последняя надежда этого проклятого мира.

Над краем далекого черного леса поднималось солнце...

Шимун Врочек. Предел человечности

Судьба не всегда на стороне больших батальонов. Иногда судьба на стороне тех батальонов, что умирают искреннее.

Слова, приписываемые генерал-полковнику Пекле Олаф-сону, начальнику штаба имперских Сухопутных войск. «Крах империи Некромантов», том 4

1. Стефан

Над столом кружила муха, радовалась лету. Стефан вытер вилку о штанину. «Сейчас... сейчас...»

– Стефан!

Он оторвал взгляд от мухи. Моргнул.

– Они все-таки прислали тебя! Что за черт?!

– А кого, – спросил вошедший спокойно, – кого они должны были прислать, Стефан?

Ж-ж-ж-ж.

– Ладно. Считай, отбрехался, – проворчал Стефан Милларе, бывший ученик портного, и молниеносным движением метнул вилку. Тунк! – Чего надо?

Вошедший покачал головой. Он был высокого роста, в потертом армейском плаще, волосы с сединой. Лицо красивое, но словно смертельно усталое. Глаза синие. Муха трепетала. Гость внимательно рассмотрел насекомое, пришпиленное вилкой к столешнице, перевел взгляд на бывшего порт-

ного.

– Как ты это делаешь, Стефан? Никогда не понимал.

– Это секрет, Венемир. Секрет не для таких, как ты, а для таких, что наливают кому-то вроде меня пива.

Названный Венемиром кивнул.

– Хозяин, шесть кружек! – велел он.

Брови Стефана поползли вверх.

– Ты ждешь кого-то еще, Вена?

– Я жду, что выпью не одну кружку. А еще, что ты вылакаешь оставшиеся четыре.

Стефан ухмыльнулся.

– Обижаешь. Я вылакаю больше, Вена. Ты всегда меня недооценивал.

Венемир хмыкнул.

– Никаких сомнений. Но заплачу я только за эти шесть. – Он отодвинул лавку и сел напротив. – Выбирай, Стефан, или слушаешь меня и пьешь, или слушаешь меня без пива. Так как? Что ты решил? Время идет.

Стефан покачал головой.

– Сдается мне, Вена, нет тут никакого выбора. – Он облокотился на стол и посмотрел собеседнику в глаза – на удивление трезвым взглядом. – Но возьми на две кружки больше – от твоих речей мне всегда хочется пить. Никогда не понимал! Какая-то странная связь между твоими словами и моей жаждой.

– Хозяин, еще пива! – Венемир положил ножны с мечом

на лавку. – И не спи, дай закуски. Сыру копченого, рыбы соленой, холодца с хреном...

– И вилку, – добавил Стефан.

– И вилку, – согласился Венемир. – Вилку обязательно. Куда нам без вилки?

* * *

– Ни в какую, значит, не сдаваться. Держаться, значит, до посинения. Так господин полковник приказали.

Венемир вздохнул:

– А когда это посинение наступит, полковник не сказали?

Гонец задумался.

– Не-а, – сказал наконец. – Не говорили. Может, завтра, может, через неделю. Как узнать, если некры отовсюду прут? Вы, господин офицер, думайте сами. А мне это... ехать надо.

Венемир кивнул. Все было ясно. В прозрачном воздухе плыло предчувствие дневной жары. Вдалеке, на фоне светлеющего неба, над рекой застыл Он.

Проклятый и прекрасный.

Мост.

Который им теперь предстояло защищать. «А ты чего ждал? – подумал Венемир. – Ты же знал, рано или поздно тобой заткнут какую-нибудь дыру».

Похоже, это время наступило.

* * *

– Зачем явился, Вена?

Венемир помедлил. Что-то мягко толкнулось в сапог, заворчало.

«Собака у них там, что ли?» – подумал Венемир равнодушно.

– Я хотел поговорить, Стефан.

– О чем?

– О мостах.

– Мостах? – Стефан покрутил головой. От криков солдат, гуляющих за соседним столом, гудел воздух. – Тише, черти!.. Я ни черта не понимаю в мостах.

– Какое совпадение, – сказал Венемир. – Я тоже.

* * *

Кобылка аккуратно переступала тонкими изящными ножками. Веселка ловко прыгнула на землю, повела кобылку в поводу. Пепельные волосы девушки были стянуты в хвост на затылке, за плечом торчала рукоять меча.

В отличие от кобылки, у хозяйки был жесткий мужской шаг.

– Дурной это мост, командир. – Веселка покачала голо-

вой. Венемир промолчал.

– Обычный, – с акцентом произнес Норт Келлиге, долго-вязый северянин, приставший к банде месяц назад. Молодой, белобрысый. Ресницы у него были бесцветные, глаза голубые. Северный великан. Коня под его рост они не нашли и купили обычного осла.

И всю дорогу ржали над этим как лошади.

– Что ты понимаешь в мостах, парень? – Венемир поднял голову, прищурился.

Норт пожал плечами.

– Немного понимаю.

– И что скажешь?

Норт задумался, почесал затылок.

– Хороший мост. Нечего наговаривать.

Венемир потер лоб. «Как с вами трудно, а?»

– Хороший, значит... А если Империя по этому мосту перейдет на нашу сторону, он тоже будет хорошим? А, парень?

– Чего?

Венемир вздохнул.

– Некры – хорошие? Это простой вопрос.

– Не знаю.

* * *

Феллах ад Миадарн натянул повод. Что тут, черт побери, происходит...

– Тебе делать нечего, вахмистр?

Тот подскочил, заморгал. Резко отдал честь.

– Простите, господин полковник! Виноват, господин полковник!

Феллах посмотрел на него сверху вниз. У ног вахмистра лежал мертвец. Судя по нашивкам – младший капрал, судя по цвету формы – подданный короля. Враг. Пятки в обмотках.

«Сапог у них, что ли, не осталось? – подумал Феллах с непонятной досадой. – Или хотя бы солдат в сапогах?»

– Что вам нужно от мертвеца, вахмистр?

– Э-э... – Тот смеялся. – Не совсем, господин полковник!

– Не совсем что?

– Этот только притворился мертвым, господин полковник. Когда мы подъехали, стрельнул из арбалета и бросился на нас. Пришлось его... это... Но ведь ждал до последнего, не шевелился, даже почти не дышал.

Феллах поднял брови.

«Сумасшедший или герой?» Хороший вопрос.

– Дурак какой-то, – сказал вахмистр. – Простите, господин полковник.

* * *

От пиликанья кузнечиков казалось, что мир вокруг потрескивает на сковородке.

Телега едва тащилась по пыльной, заросшей выгоревшей травой дороге. Лошадь ступала осторожно, на телеге лежало, благоухая, сено; на сене, благоухая, – Стефан. На удивление бодрый после вчерашнего...

– Не ждали? – Он помахал рукой. – Вот, дедуля любезно согласился подвезти.

Старичок-кмет зло покосился на Стефана, но промолчал. Венемир повертел головой, протер глаза. Дорога за телегой была пуста. Стука копыт, сколько ни прислушивался, он не услышал.

Очень смешно, подумал Венемир устало.

– Стефан, где остальные?

– Остальные? – Стефан почесал бровь. В волосах у него застряли соломинки.

– Стефан, мне не до шуток. Вчера я видел, что с тобой пили и гуляли десять солдат. Они нужны мне.

Стефан зевнул так, что лошади переступили с ноги на ногу и запрягли ушами. Запах перегара стал гуще. Ученик портного смотрел на Венемира с похмельной искренностью, которая вполне могла сойти за настоящую.

– Ты чего, Вена? Это не мои солдаты.

Венемир скрипнул зубами.

– Я собственными ушами слышал, как ты ими командовал!

– Я? – Стефан озадачился. – Конечно, черт побери, я ими командовал! Ведь я платил за выпивку.

– Мне сказали, у тебя есть люди, – сказал Венемир безнадежно. – И что в таверне сидит десятник...

– А, десятник! – Стефан наконец сообразил. – Этот приятель упился и лежал под столом, в прохладце. Отдыхал.

Венемир вспомнил хрюкающее и шевелящееся нечто под столом...

– Так это и был десятник? – уточнил Венемир.

– Ага.

...Кажется, оно облизало сапог.

– И где оно... он сейчас?

Стефан покосился почему-то на Веселку, пожал плечами.

– Черт его знает. Солдаты с утра выехали, по холодку.

– Куда?!

Стефан развел руками.

– Так, – сказал Венемир, чувствуя себя болваном. Хорошенькое дополнение к головной боли.

Сено позади Стефана зашевелилось, оттуда вылез человек. Нет, не человек... Кобыла фыркнула, переступила. Венемир натянул поводья. Похоже, Стефан все-таки приехал не один.

Это был... рост, сложение, характерные черты лица...

Гном – если бы гномы брили бороды, чего за ними не водится.

Венемир поднял брови:

– Стефан, это и есть твоя армия?

Бывший портной почесал в затылке.

– А? Похмелиться найдется? – спросил Стефан.

Венемир даже усмехнулся. Вот наглость.

– Стефан, я не дам тебе выпить, потому что знаю, чем это закончится. Стой, ты не ответил. Теперь ты возишь с собой собутыльников?

Стефан повертел головой.

– Чего? Каких еще собутыльников?

– Меня, – негромко сказал гном и потер голый, выбритый до синевы, подбородок. – Он имеет в виду меня, Стефан.

2. Мост

Фрейдус I, он же бог-император, и его ближайшее окружение (так называемые «друзья бога») – первая попытка человечества приблизиться к мифическому долголетию эльфов. С некоторой иронией ее можно назвать удачной. Если бы не поражение Империи в войне, кто знает, сколько бы на самом деле продлил бог-император свое странное существование?

*«Крах империи Некромантов», комментарии к тому 1.
Стр.36*

– Этот мост, – сказал Норт, – состоит на самом деле из трех отдельных. Видите – арки? Они круглые – это задумано, чтобы распределить нагрузку. Такой мост может стоять веками – и ничего ему не сделается. Камни держат друг друга.

Самая надежная конструкция. Лучше пока ничего не при-

думано.

Но его высота ограничена радиусом арки. Чтобы достичь нужной высоты и не потерять прочность, строители поставили три моста обычной высоты – но один на другой. Поэтому он так выглядит.

Стефан хмыкнул.

– Выходит, мы должны защищать не один мост, а сразу три?

Норт задумался. Бесцветные ресницы – хлоп, хлоп.

– Выходит, что так.

– Красиво, – сказала Веселка. – А дальше что?

– Дальше? – Норт озадаченно посмотрел на девушку.

– Как нам его защищать? Тут некры будут со дня на день, а мы слушаем про эти... арки.

– Арки хорошие.

Веселка занервничала.

– Кто спорит-то? Но мы можем его как-нибудь сломать? А?

Лицо Норты мучительно напряглось.

– Зачем? Его трудно сломать.

Опять по кругу. Венемир потер шею, встал.

– Скажем иначе: если вдруг понадобится, то мы даже разрушить этот мост не сможем? Верно, Норт? Я правильно понимаю?

Норт улыбнулся. Простодушно, словно ребенок.

– Скорее всего нет, капитан. Очень надежно сделано.

– Ты так радуешься, будто сам его построил, – заметил Венемир.

– Это... не я.

– Знаю, что не ты. Эй, парень! Очнись. Мы начинаем войну за чертов мост. Придумай, как нам его сломать. Иначе мы тут все подохнем.

* * *

Воевода привстал на стремянах. Закричал гулким, хриплым голосом профессионального военного – и с легкостью перекрыл гул главной площади:

– Некры прут! Отечество зовет!

Молчание.

– Ну и что? – спросили наконец из толпы.

Воевода оглядел собрание, но различить наглеца не сумел.

– Не «ну и что», а в оружие и всем взрослым сукинным сынам быть у вербовочного пункта. Немедля. Вот прямо сейчас! А кто у вербовщика не будет, готовый пролить кровь за независимость родной страны, тому сукину сыну я башку проломлю сам вот этой железкой. Так, чтобы патрио... патриа... патритизм ушами пошел.

Воевода взвесил в руке огромный шестопер. Люди переглянулись. Такой «железкой» можно было взломать крепостные ворота.

– Так кому патритизму? – осведомился воевода. – Одним

махом вогнать?..

– Что такое «патритизм»? – тихо спросил один кмет у другого.

Тот повернулся, оглядел его снисходительно:

– Это когда твоя родная хата засрана и дырява, а ты ее все равно любишь и никакому врагу не отдашь.

Кмет почесал затылок.

– Ну а если хата не засрана? Тогда что?

– Любить незасранную хату любой дурак может, а ты засранную полюби. Вот это патритизм.

– Подожди. А если в ней полы выскоблить и говно оттуда вычистить? А уж потом любить?

Молчание. Умный задумался.

– Тогда это не «патритизм», – сказал наконец.

– А что?

– А... а другое слово.

** * **

– Знаю-знаю, – поморщился Венемир. – Мы традиционно наступаем, некры получают отпор... Есть еще какие-то новости?

Ян Заставек покачал седой головой. Он был самым старшим в банде, лет на десять старше капитана.

– То есть все намного хуже? – сказал Венемир.

– Ну... как тебе сказать...

Венемир вздохнул. Так он и думал.

– Рассказывай, Ян.

– Видел сегодня, – начал тот, – чудесное. Висело чудесное на столбе. Как тебе? «Храбрые полки нашего короля доблестно наступают, не отдавая врагу ни пяди земли». Это, видимо, новое слово в искусстве пропаганды...

– Значит, мы драпаем? – уточнил Венемир.

– Ну...

* * *

– Опять?! – Лютер Малькольм не верил ушам.

– Выполняйте приказ, капитан.

Гном в сердцах махнул рукой, выругался.

– Отступление, – повторил он. – Ох ты, чертова мать, какая резенипенция... или ретирация? Короче, какая-то болтливая хрень, каковой обычно прикрывают голую задницу и собственную трусость.

Адъютант вскинул голову. Голос зазвенел:

– Это тактический маневр, господин Малькольм! И... и... и не вам указывать главнокомандующему, что делать! Это... непатриотично.

Лютер Малькольм непатриотично сплюнул.

– Один хрен, – сказал он. – Хоть розой жопу назови, хоть нет, вонь все равно одна и та же.

– Вы забываетесь!

Лютер сделал шаг, и адъютант замолчал.

– Я, господин хороший, – сказал Лютер и взял адъютанта за пуговицу, – имею собственное мнение. И один черт – не вижу причин за него извиняться. Вот так-то. Бывайте!

– Гномы. Чужаки. Нелюди, – зашипел адъютант, когда Лютер ушел.

И вдруг – схлопотал по зубам. Земля больно ударилась в затылок.

– Поднимайся, – велел капитан арбалетчиков, человек. – И чтобы я больше твоего шипения не слышал, дружок. По крайней мере, на сто верст вокруг. Тошнит меня от таких звуков. Сам не свой становлюсь... веришь?!

– Верю, – сказал адъютант и потрогал челюсть.

*** * ***

– Прямо взял и в зубы двинул? – поинтересовался Венемир.

– Ну... более или менее.

– Графу Дормайеру? Адъютанту командующего? Капитан арбалетчиков?

Ян развел руками. Мол, из песни слов не выкинешь.

Венемир вздохнул. Несмотря на привычку украшать свои рассказы поистине фантастическими подробностями, Ян Заставек редко ошибался в главном...

– Люди будут драться за себя и за гномов, это точно, –

сказал Ян. – А вот будут ли гномы драться за людей? Это вопрос.

Хороший вопрос, подумал Венемир.

– Сейчас и выясним.

Ян замер, моргнул. Лицо наемника вытянулось.

– Чего?

Венемир ухмыльнулся. Приятно озадачить старого фантазера...

– Стефан! – крикнул он.

– Ась?

– Тащи сюда своего приятеля.

...Венемир протер глаза. Ничего не изменилось.

Отросшая за день щетина была удивительного, необыкновенного ярко-синего цвета. Отчего подбородок гнома казался обмакнутым в ведро с краской.

«Что за притча?»

– Как ты сказал, тебя зовут?

– Идзи. – Гном выпрямился. – Идзи Бласкег. Еще называют Синебородым.

3. Идзи

Успех наступления казался сокрушительным, даже для нас самих. Фронт посыпался с такой скоростью, что мой штаб не успевал отслеживать изменения. Отдельные отряды противника продолжали отчаянно сражаться, еще не зная, что оказались в глубоком тылу имперских войск.

Как стемнело, рота собралась в сторожевой башне. Одно название, что рота, одно название, что башня. Каменный четырёхугольник без крыши и с полуобвалившимися стенами. Норт остался на часах, потому что, по его словам, неплохо видел в темноте. Венемир подозревал, что дело тут не в зрении, а в нежелании северянина пить водку. Впрочем, часовой им все равно нужен.

Гном достал из-за пазухи круглые очки, протер и нацепил на нос.

– Синебородый? Интересно, почему? – Венемир закинул ногу на ногу. – Неужели есть причина для столь... хм-м... странного прозвища?

– Да никакой, – хладнокровно ответил Идзи Бласкег. Почесал синий подбородок. – Но вы же знаете людей? Им дай повод, и они начнут глодать его, как дурная собака – кость.

Наемники переглянулись.

– Добрый ты, – протянула Веселка.

Гном пожал плечами.

– Я не добрый. Я – женатый.

– Это, конечно, все объясняет, – заметил Ольбрих по прозвищу Принц. Он стоял у входа, прислонившись к стене плечом. Руки с тонкими изящными кистями были сложены на груди.

Наемники считали, что Ольбрих – из знатных, какой-ни-

будь незаконорожденный сын графа, а может, целый князь, лишенный чести по суду. Впрочем, если не считать скверного чувства юмора, товарищем он был хорошим. А главное, отличным бойцом.

Взгляд гнома остановился на Принце. Очки блеснули.

Смех стих.

– Да, пожалуй, – сказал Идзи, – что и объясняет.

* * *

– История занимательная и поучительная, – сказал Идзи. – А произошла она, как понимаете, не со мной, а с одним моим приятелем.

Венемир покивал.

– Ну, конечно, конечно...

– Мой приятель... назовем его Олем... гном. Он выращивал овощи...

– Назовем их свеклой и брюквой, – подсказал Ольбрих саркастически.

– Совершенно верно, – кивнул гном невозмутимо. – Оль выращивал свеклу и брюкву и здорово разбогател. Купил замок, завел прислугу и друзей. А что еще нужно, чтобы получать от жизни удовольствие? Так думаем вы и я, но не мой приятель.

Когда жизнь идеальна, нужно ее слегка... подпортить. Сделать неидеальной. И задумал мой приятель жениться.

Всеобщее молчание.

– Это он сгоряча, – сказал Стефан. – Нельзя столько пить.

Веселка закрыла лицо руками и хрюкнула. Даже Венемир улыбнулся.

Гном терпеливо переждал шквал эмоций и продолжил:

– Да, это было не самое мудрое решение Оля. К сожалению, дальше он принял еще одно – и тоже оказалось, что это не перл мудрости. Вместо того чтобы отправиться в ближайшую общину гномов, где опытные старухи все организовали бы в лучшем виде, он бы даже традиционно не увидел невесту до свадьбы... Вместо этого Оль решил жениться по любви.

– Ох ты, – сказала Веселка.

– На девушке из людей...

– Ого!

– ...к тому же – дворянке.

Потрясенное молчание. Ольбрих наконец засмеялся – резкий, неприятный звук. Веселка поежилась.

– Серьезно? – спросила девушка. – А твой Оль в шахту в детстве не падал, головой вниз?

– Нет.

– А очень, очень похоже.

* * *

Костер догорал. В багровых углях Стефан запекал репу,

ворошил веточкой. Треск. Искры взлетели и рассыпались. Стефан выругался.

– Межрасовый брак, – сказал Венемир задумчиво. – И неравный брак. Двойной мезальянс. Твой приятель – самое меньшее, очень смелый гном. Или очень глупый.

– Хм...

– Я понимаю: задумал он жениться на дворянке. Он мог задумать хоть на императрице! Но почему она-то согласилась?

Молчание. Идзи смотрел в огонь, в стеклах очков отражались языки пламени.

Венемир думал уже, что гном не ответит, но тот заговорил – негромко, спокойно:

– Избранница была прекрасна, как первый цвет, знатного рода, но, увы... бедна, как храмовая мышь. Красивая и нищая – опасное сочетание, не правда ли?

Ее мать умерла. Отец мигом прокутил приданое, что досталось дочке от матери, урожденной графини какой-то там. У красавицы было два старших брата. Братья служили у разных князей и благополучно погрязли в долгах по шею. Сами понимаете, выбор у девушки был невелик.

Так что богатый муж – неплохой вариант. Мой приятель оплатил долги братьев, подарил им коней и новое снаряжение, папочке прикупил домик с прислугой... А девушка стала полновластной хозяйкой великолепного гномьего замка.

Обычный брак по расчету. В чем же ошибка моего прия-

теля? – спросите вы.

Идзи обвел всех взглядом.

– А в том и ошибка, что несчастный влюбился. Жена-красавица закатывала пиры до рассвета. Пропадала на светских приемах. И тут муж начал ревновать. – Идзи помолчал. – Наверное, это смешно выглядело – ревнующий гном. В целом свете вы не найдете ничего забавней, ей-ей...

Венемир поморщился.

– Давай без ерничества, Идзи.

Молчание. Гном вздохнул.

– А борода у приятеля была синяя. От медного купороса. Если смешать раствор извести с раствором купороса, то получится сильфенская смесь. Ее так называли, потому что был один чудак в городе Сильфене, он кусты мазал синей хренью. Чтобы у него соседские дети ничего в саду не срывали и не ели. Оказалось, жидкость помогает не только от детей, но и от других вредителей. Так что – никакой магии, просто химия.

– Синяя борода – как у тебя? – спросила Веселка.

– Ага, – Идзи усмехнулся. – Примерно.

* * *

– У соседей серая гниль и парша съели весь урожай. А моему хоть бы хны. Стоит себе – ярко-синий, как небо. Потом я омыл кусты водой и виноград собрал...

Молчание. Венемир выпрямился, заговорил мягко, словно с ребенком:

– Каким же образом, позволь поинтересоваться, из брюквы и свеклы, продуктов хоть и чрезвычайно полезных, но весьма простых, получился твой великолепный виноград?

– Э... м-да.

Гном почесал подбородок. Оглядел собрание, усмехнулся.

– Это я прокололся, верно?

– Что есть, то есть, – сказал Венемир. – Но не расстраивайся. В следующий раз соврешь получше... – Капитан зевнул. – Откуда ты на самом деле? С юга? Из Некрогарда? Отвечай быстро и постарайся не сильно морочить мне голову.

– Из Некрогарда. Был.

– Тогда почему сильфенская смесь? При чем тут Сильфен?

– Торговая марка.

– Видишь, как просто? – Венемир помедлил. – А теперь продолжай.

Гном почесал подбородок. Затем потянул за шнурок и выудил из ворота рубахи небольшой предмет.

– Что это? – Стефан подался вперед, забыв про свою репу.

– Ключ.

Пламя играло на желтом металле. Ключ был редкой работы – с прихотливыми бороздками, искусно вырезанными узорами. Такой ключ должен запирать подходящий замок. А

под таким замком. . .

Стефан присвистнул:

– Ты богатый, что ли?

Идзи безнадежно махнул рукой.

– Не спрашивай.

– А чего в Махакам не подался?

– Да кому он там нужен? – вступил в разговор Ян Заставек. – Думаешь, там своих гномов не хватает?

– Тихо вы! – окрикнула Веселка. – Раскудахтались. Что дальше, Идзи?

Идзи Бласкег сжал зубы – кожа на скулах натянулась. Синева сделала его лицо почти черным.

– Ключ, – сказал он. – Главное, ключ.

– А что с ним?

Гном покачал ключ на шнурке, наблюдая за игрой света на металле.

– Идзи?

Идзи поднял взгляд:

– Из-за него все и случилось. Из-за чертова ключа. И комнаты, которую он запирает. И... и из-за любви, конечно.

Гном помолчал.

– Хотя изначально во всем виновата, думаю, все же она. . .

– Она?

– Марыся. Моя жена. Вернее, – он сделал над собой усилие, – жена моего приятеля.

– Я знаю, что она натворила, но все равно не могу перестать ее любить. Кажется, появись она сейчас, помани пальчиком – и я бы бросил все, забыл все обиды и пошел бы за ней слепо, как телок на бойню. Иногда я просыпаюсь среди ночи, в слезах, как мальчишка, – только потому, что увидел во сне ее.

Марыся, урожденная ад Визари. Ах, если бы вы знали, какая это женщина!

Наверное, мы смешно смотрелись вместе – красавица и коротышка. Но я этого не замечал, потому что видел только ее. Одну ее.

Однажды мне нужно было уехать по делам, и я оставил ей ключи от всего дома. Вот этот ключ. – Гном показал. Стефан громко рыгнул, нагнулся посмотреть. – Да-да, этот тоже... Говорят, что я предупредил – под страхом смерти не открывать дверь, которую он запирает. И говорят, она не выдержала. Женское любопытство. Говорят, это была коварная ловушка. Это неправда. Потому что ничего такого за дверью не было...

Стефан зашевелился, но промолчал. Спросила Веселка: – Ничего?

Гном помрачнел. Снял очки и начал протирать, словно не делал этого уже несколько раз раньше.

– Идзи?

– Там была химическая лаборатория.

Веселка заморгала. Стефан поднял брови.

– И все?

– И все. Представьте себе, никаких женских трупов на крюках для мяса. Только колбы, пробирки, стеклянные змевики, емкости с химикатами, горелки и перегонный куб. И несколько бутылей с готовой синей жидкостью. Мой главный коммерческий секрет. Никакой черной магии. Никаких убийств. Никаких мрачных тайн. Вообразите ее разочарование. – Идзи усмехнулся. – У нее оказался всего лишь мужгом, помешанный на химии.

Стефан разочарованно присвистнул. Похоже, он тоже ждал рассказа о зловещей комнате и женских трупах.

– Но это тебя не спасло? – спросила Веселка.

Идзи покачал головой.

– Нет. Меня это точно не спасло.

* * *

– Прошел слух, что у меня до Марыси было несколько жен, которых я уморил до смерти. А так как никто этих жен никогда не видел, то слух был убедительным. Обо мне начали шептаться. А я и в ус не дул. Как известно, последним об измене жены узнает муж... Позже оказалось, что Марыся сама распространяла слухи обо мне.

– Какие?

– Самые нелепые. Что я, например, занимаюсь по ночам черной магией и режу девственниц. Принимаю ванны из крови.

Даже мой скромный вид, мою предупредительность и мой тихий голос стали находить зловещими. Мои очки пугали людей до дрожи. Меня стали избегать. Когда я появлялся, дамы бледнели и падали без чувств. Мужчины хватались за оружие.

– Однажды я сделал вот так. – Идзи прихлебнул водки, Веселка вздрогнула. Гном мягко облизал губы кончиком языка. – Дамы закричали и убежали в ужасе... Казалось бы, что такого ужасного в этом звуке? – Идзи еще раз втянул водку губами, причмокнул.

В наступившей тишине звук показался очень громким. И очень жутким.

– Идзи, прошу тебя, больше так не делай. – Веселка поежилась. – И вообще... У меня от тебя мороз по коже. Не обижайся, но это правда.

Гном кивнул. Посмотрел на девушку, не мигая. В его темных глазах отражалось пламя костра.

– Я понимаю. И не обижаюсь.

Тишина.

– Дальше, – сказал Венемир.

– Дальше? – Идзи усмехнулся. – Дошло до того, что каждая пропавшая кошка или овца приписывались мне. Я стал

местным чудовищем. Ночью я летал на кожаных крыльях и пил кровь, как вампир, а днем говорил тихим пугающим голосом и выглядел простым гномом. Другой ночью я оборачивался волком и резал овец и прохожих, сотнями приносил в жертву молоденьких девственниц, перед этим их обесчестив, конечно, и раскапывал могилы... Последней каплей стала пропажа юной девушки, молоденькой блудницы, приехавшей в город из деревни. Ее прозвали Алой Шапочкой. Девушка исчезла. Через неделю она, правда, нашлась – у одного из поклонников, который задумал на ней, дурачок такой, жениться, но для меня было уже поздно...

Лежащая на грязной мостовой красная шапочка сделала то, что не под силу самым кровавым зрелищам...

Она вызывала в воображении чудовищные картины и просто вопияла о возмездии.

Она была трогательна, эта шапочка.

Немало слез пролилось на той мостовой. Цветы носили охапками. И подарки. Мишки из сдобного теста и куколки из соломы – как вам такое понравится? И свечи. Много свечей.

Красиво.

Я стал врагом города. Самым страшным. Чудовищем из... неважно, откуда.

Так недалеко и до самосуда. – Идзи вздохнул, оглядел банду. – Впрочем, он не заставил себя ждать...

– Как удачно, что братья моей жены оказались рядом! Просто невероятное совпадение, сказал бы какой-нибудь бродячий менестрель. Перст судьбы. Возмездие небесное. Ворвались они в дверь – говорили, что на крики о помощи, – а там я с занесенным ножом. Она на коленях. Мол, я кричал, что лишу ее жизни, но это все вранье. Я бы никогда не причинил ей боли. Я любил ее. Это правда. Я ее любил...

– Как же ты спасся? – спросила Веселка.

Идзи пожал плечами.

– Я хорошо бегаю.

Стефан хмыкнул.

– Правда? – Веселка с сомнением посмотрела на короткие ноги гнома.

Идзи усмехнулся.

– Просто их было слишком много, жаждущих справедливости... Пока меня тащили в подвал, ломали дверь, макали в мою же синюю жидкость... В общей неразберихе мне удалось скрыться. Мне сломали руку и несколько ребер, но это... мелочь.

Веселка сморщила носик.

– Значит, насчет бега...

– Да, – сказал Идзи. – Маленькая неправда. Смешно, верно? Маленькую неправду легко заметить. А вот большую... –

Идзи покачал головой. – Когда она настолько огромна и отвратительна, что ее не окинуть взглядом... Тогда, чтобы не сойти с ума, ее приходится считать правдой.

* * *

– Итак, все состояние Оля унаследовала молодая вдова. Я задался вопросом: кому это выгодно? И выяснил, что безутешная вдова, получив наследство, оплатила папенькины игорные долги, а братьям купила по капитанскому патенту. Чисто из родственных чувств, я бы сказал.

– Так что получается, господин теоретик, – обратился Идзи к Стефану, – подставили моего героя. Такое вот мое скромное, незаинтересованное мнение.

Стефан хмыкнул.

– Для незаинтересованного мнения у тебя слишком много яда в голосе. – Венемир вздохнул.

– Идзи, – мягко сказал он, – что на самом деле произошло? Когда появились братья твоей жены?

– Ошибка. – Идзи ухмыльнулся, лихо, как когда-то давно, в лучшие времена. – Мою женушку ужасно возбуждало, когда я ей угрожал. Игры у нас такие были, понимаете? Я и рад стараться. Братья врываються, у меня глаза бешеные, пена у рта, нож занесен – причем мясницкий, для колориту, – а Марыся у моих ног. В одном кружевном пеньюаре. Каюсь, зрелище было... – Гном почесал затылок. – Неоднозначное.

Ольбрих усмехнулся. Недобро и жестко. Словно его лицо было натянуто на каркас из железных прутьев.

– Никогда не представится случай второй раз произвести первое впечатление, – заметил он.

– Ольбрих, – сказал Венемир, – помолчи.

Гном почесал подбородок.

– На чем я остановился...

– Баба твоя в одном белье на коленях, – подсказал Стефан.

Гном покосился на него, но продолжил:

– Верно. Она в белье, а я с ножом.

– Слушать про милые забавы брата, как понимаю, не стали? – спросил Венемир.

– Правильно понимаешь, командир.

– Все ясно, – Стефан ухмыльнулся. – Все зло – от баб. Все бабы – стервы. Даже Веселка...

– А в лоб? – спокойно спросила та.

– Беру свои слова обратно. Веселка не стерва, – сказал Стефан, час от часу все более развязный. – Она – стервь. Мужского рода. Ай! За что?!

Веселка потеряла кулак.

* * *

Ольбрих засмеялся.

На него оглядывались. Резкий неприятный звук.

– Когда покупаешь любовь за деньги, не жди, что тебя за

это пожалеют. Твоя бывшая женушка – молодец, разобралась с тобой, как ты заслуживаешь. Посмотри на себя, Идзи. Ты же извращенец со всех сторон!

– Но-но! Поаккуратней на поворотах. – Идзи шагнул вперед, выпятил грудь.

Ольбрих на мгновение, очень быстро, по-звериному, оскалился.

– А то что?

Гном попятился. Затем – сжал кулаки и...

– Остановите их! – закричала Веселка.

Шум, гам, неразбериха. Куча мала. Через мгновение бойцы затоптали костер, и башня погрузилась во тьму.

– Стефан, глуши их. Глуши обоих! – голос Венемира.

– Спокойно! Да, чтоб тебя... – Стефан.

– СТОЯТЬ! – снова Венемир. – Ян, черт! Да что вы делаете?! Нет! Хватайте его... да нет, другого! Тьфу, черт. Стефан, хватит! Хватит, я сказал!

...Его оттащили к стене, похлопали по щекам. Вспышки молнии перед глазами.

– Ольбрих, живой?

Он открыл глаза. Выпрямился, провел языком по зубам. На месте. Но губы разбиты. Ольбрих вытер рот рукавом. Теперь будут как олады, черт.

– Что... где?

– Нашел, с кем связываться, – сказала Веселка. – Это же Стефан! Он вам обоим...

Ольбрих захохотал.

– Чего ты ржешь? – обиделась Веселка.

Стефан поднялся на нетвердых ногах. Покачал головой, сплюнул в сторону. Посмотрел на Принца:

– Больно?

– Да пошел ты, – сказал Ольбрих беззлобно.

Стефан очень серьезно склонил голову на плечо.

– Чудной ты, Ольбрих. Я давно хотел спросить. Ты когда смеешься – тебе хоть чуть-чуть весело?

И тут засмеялся гном. Таким надломленным смехом, от которого мурашки пошли по коже.

4. Ян

По статистике, из десяти серийных убийц семеро всегда – эльфы, двое – люди. И один, возможно, гном. Хотя, как утверждает почтенный доктор Тибо, это может быть и статистической ошибкой.

Газета «Лютая и лютейшая правда», номер 5 за 877 год

– Стеф, берегись!!

Стефан бросился на землю. Выругался, когда стрела, прилетевшая со стороны леса, застряла в колушке.

– Твою же мать... началось! – заорал Стефан. – Все сукины дети пришли! Все сукины дети до единого!

Между сосен замелькали темные фигурки. Стефан вскочил на ноги, пригнулся и побежал.

Стрела щелкнула по наплечнику и ушла в небо. Следующая просвистела над ухом, взъерошила волосы...

Стефан втянул голову в плечи.

Пока бежал, ругался что было сил. Меч тащился за ним, волочась острием по песку. За Стефаном оставался след, как от ползущей – очень неровно – змеи.

Стефан выскочил на мост и побежал зигзагом, будто заяц. Меч брэнчал по камням.

Стрела прошла совсем близко, задев волосы. Вжик! Ухо обожгло. Стефан охнул, перевалился через стену и оказался внутри укрепления. Меч глухо брякнул.

Рукой наемник зажал ухо.

– Черт!

– Что там? – Веселка наклонилась к нему. – Ну?

– Ухо разорвало, – пожаловался Стефан.

– Хрен с твоим ухом! Что на мосту делается?!

– Вот некультурная ты баба, Веселка, – сказал Стефан.

Глаза у него оказались неожиданно беззаботные и злые. Кровь капала из-под пальцев, стекала по запястью в рукав. – Никакого же в тебе, черт тебя дери, этикету.

– Мост!!

– В порядке твой мост. Что ему сделается?

С той стороны продолжали стрелять.

– Некры! – заорал Стефан, высунувшись. – Чертовы некры! Чтоб вам сгореть в аду, ублюдки!

Юркнул обратно. Стрела, которая должна была вонзиться

ему в глаз, задрожала, воткнувшись в доску.

– Чтоб вы посдыхали все, твари! – закричал Стефан, в этот раз предусмотрительно не высываясь. – Некры поиметые!

– Дурак, – сказала Веселка презрительно. – Чего ты орешь? К тому же это не некры.

– А кто?

Она показала глазами на стрелу. Стефан заморгал.

У стрелы был хвостовик из белых перьев, закрученных по спирали.

Своеобразный такой хвостовик. Узнаваемый.

– Твою ж мать. – Стефан присвистнул. – Лилии?

– Ага. «Цвет белых лилий». Эльфы.

* * *

Феллах ад Миадарн повертел в руках тяжелый шлем с кабаньей головой.

– Как мой сын? – спросил наконец.

Пекле Олафсон улыбнулся. Этого вопроса, заданного небрежным тоном, он ждал с самого начала. «Больше всего на свете мы, старая гвардия Империи, боимся nepотизма, поэтому требуем от наших детей невозможного. Чтобы оставаться достойными родителей, им приходится стараться изо всех сил. Но, чтобы превзойти нас, им придется стараться в два раза больше».

– Делает успехи. Он будет хорошим командиром.

– Дай боги, – сказал Феллах. – Дай боги... и император.

* * *

Эльф добрался до середины моста, когда Стефан выстрелил. Тунк! Искры. Бельт выбил кусок камня из ограждения – над самой головой эльфа. Стефан выругался и начал крутить ворот, взводя арбалет заново. Эльф присел от неожиданности, глаза круглые. Затем тряхнул головой и бросился обратно, к своим.

Стефан крутил.

Веселка зашептала:

– Сукин сын! Подбей его, Стефан! Стефан!

– Не мешай, дура. – Он приложился щекой к холодному цевью.

Тунк!

Бельт ударил в камень и срикошетил. «Сукин сын» успел добежать до оградки и перескочить на другую сторону. Только пятки мелькнули. Стефан выругался.

– Тьфу ты. – Веселка сплюнула. – Какая-то зараза.

Стефан опустил арбалет.

– Ну, вот не умеешь ты стрелять, Стефан, – сказала Веселка. – Как не умел, так и не научишься никогда. Тебе бы только вилками кидаться. Что, не мог взять упреждение на два пальца? Кто тебя, блин, учил стрелять?!

– Не учи ученого, баба.

– Сам ты баба, – огрызнулась Веселка. – Дай сюда арбалет!

* * *

Ян Заставек присел на землю, обхватил руками живот. Боль была такая, что в глазах потемнело. Похоже, в этот раз все... Отбегался старый конь.

– Что с тобой, старик? – Веселка оглянулась.

Заставек подумал и сказал правду:

– Я немножечко помираю.

– Ага, хорошо.

Она отвернулась, мгновенно вскинула арбалет и нажала пуск. Вжик, тунк. Короткий вскрик.

– Есть! Слышь, старик, я срезала одного...

Веселка застыла, как изваяние. Медленно повернула голову, рот ее искривился...

Заставек медленно и очень аккуратно выдохнул. Внутри все затвердело. Словно внутренности припекли раскаленной кочергой. До самого основания.

Так что там ничего непропеченного не осталось.

«Как хлебный мякиш», – подумал он и чуть не рассмеялся.

– Старик... – Лицо Веселки искажилось.

– Ничего, ничего. – Он улыбнулся. – Все нормально, девочка. Ты что? Ну-ну...

Веселка подняла голову. Глаза заблестели.

– Ты... ты хороший.

– Ну, это тыхватила через край, девочка. Я какой угодно, но вряд ли хороший. – Ян усмехнулся через силу. – Вытри слезы и стреляй, девочка. У тебя отличные глаза. Когда-то у меня были такие... Эх.

Ольбрих перескочил бруствер, небрежно стряхнул стрелы с плаща. Огляделся, увидел Яна.

– Как твои дела, старик? – спросил он.

– Все хорошо, спасибо. – Ян с усилием улыбнулся. Ольбрих посмотрел на него внимательно.

– Э, старик... Ты бы себя поберег, что ли... – Он еще говорил, глядя, как веревочная петля из грубой шероховатой пеньки вылетает из-за бруствера, падает на шею Яна, затягивается... Рывок!

В следующее мгновение Ольбрих бросился вперед, к Яну, выдергивая кинжал из ножен...

Поздно.

Кинжал запутался в перевязи. Черт! Черт! Черт! Ольбрих видел, как мелькнули подошвы сапог Яна. И – исчезли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.